

Андрей Курков

САДОВНИК
ИЗ ОЧАКОВА

F FOLIO

Андрей Курков
Садовник из Очакова

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4402295
Садовник из Очакова: Фолио; Харьков; 2010
ISBN 978-966-03-5343-5

Аннотация

Неприметная, на первый взгляд, татуировка на плече одного из героев приводит к разгадке тайны, которую более полувека хранил дом в Очакове. Стоит 30-летнему Игорю надеть обнаруженную там старую милицмейскую форму, как эта форма перестает быть старой и он оказывается в 1957 году в Очакове, где его ждут сюрпризы из прошлого...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	39
Глава 10	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Андрей Курков

Садовник из Очакова

Глава 1

– Мама, там тебе соседка опять какого-то подозрительного мужика привела! – бодрым голосом крикнул Игорь в открытые двери дома.

– Чего кричишь?! – вышла ему навстречу в коридор Елена Андреевна. – Услышит ведь! Обидится!

Елена Андреевна покачала головой, критически глядя на своего тридцатилетнего сына, который так и не научился за свою жизнь говорить, когда нужно, негромко и шепотом.

Их соседка по улице Ольга действительно как-то уж слишком озаботилась личными делами Елены Андреевны. Как только Елена Андреевна переехала с сыном из Киева в Ирпень, так и почувствовала она опеку Ольги, которой тоже было пятьдесят пять и которая тоже жила без мужа. Елена Андреевна развелась со своим еще до пенсии – уж больно он стал ей напоминать предмет мебели: неподвижный, молчаливый, вечно недовольный и ничего по дому не делающий. Ольга же умудрилась вообще ни разу в жизни замуж не выйти. Но говорила она об этом легко, без сожаления. «Мне мужик на привязи не нужен! – как-то сказала она. – Привяжешь – будет, как собака! Будет лаять и кусаться!»

Вышла Елена Андреевна к калитке и увидела свою соседку, а рядом с ней – поджарого, побритого мужчину лет шестидесяти пяти, с выразительным лицом, волевым подбородком, с седым ежиком волос и с выцветшим брезентовым рюкзаком на спине.

– Леночка, вот, познакомься! Это Степан! Он мне коровник починил!

Елена Андреевна посмотрела на этого Степана с доброй иронией во взгляде. Коровника ведь у нее нет, да и чинить вроде пока нечего. Целое всё! А так просто впускать незнакомого мужчину в дом у нее привычки не было.

Но Степан, хоть и заметил в глазах хозяйки несерьезное к своей особе отношение, всё равно приветливо наклонил голову.

– Может, вам садовник нужен? – с надеждой в хрипловатом голосе спросил он.

Степан одет был аккуратно – черные брюки, тяжелые ботинки на толстой подошве, тельняшка.

– Так садовников ведь в конце зимы нанимают? – удивилась вслух Елена Андреевна.

– А я наоборот, начну сейчас, а закончу поздней зимой – обрежу деревья, всё расчищу и дальше пойду. Деревьям уход круглый год нужен! И платить мне много не надо! Сто гривен в месяц положите, плюс ночлег и еда. Да я и сам готовить люблю...

«Сто гривен в месяц?! – мысленно поразились Елена Андреевна. – Что за дешевый мужик?! А с виду ничего, крепкий!»

Оглянулась назад. Думала сына увидеть да с ним посоветоваться. Но Игоря на дворе не было. А может, и хорошо, что не было. А то сказал бы, что мать на старости лет свихнулась, раз всерьез задумалась садовника за сто гривен в месяц нанимать!

– У нас домик маленький, – вздохнув, произнесла она, не решившись без сына принять решение.

– Да мне дом не нужен. Я могу у вас и в сарае спать. Главное, чтоб было чем зимой накрыться. Водку я не пью, воровать – не ворую...

Хозяйка перевела вопросительный взгляд на соседку. Ольга кивнула, словно знала этого Степана долгие годы.

– Ну, оставайтесь пока, – сдалась Елена Андреевна. – У нас сарай кирпичный, пустой, мы живности не держим. Там кровать стоит с матрасом. Розетка электрическая есть. Мне надо еще с сыном поговорить...

Степан тут же отыскал взглядом упомянутый кирпичный хозблок, выглядывавший из-за дома, и, кивнув, отправился туда.

– Ты его давно знаешь? – спросила хозяйка соседку Ольгу.

– Он уже как-то приходил, года два назад. Ничего не украл, все починил и в огороде помогал. Чего там?! Полезный мужик...

Елена Андреевна пожала плечами и отправилась в дом искать Игоря.

Игорь отнесся к внезапно появившемуся садовнику безразлично. Он жадно курил сигарету, когда мать сообщила ему новости.

– Пускай картошку копает! – сказал Игорь. – Мы всё равно вдвоем не справимся.

Картошку Степан выкопал быстро. Сам выкопал, сам на просушку на заднем дворе высыпал. Елена Андреевна тогда в первый раз тихо порадовалась его помощи. Тут же сто гривен ему выдала – авансом на месяц. А вечером приготовила ужин – из той же картошки и тушеного мяса.

Утром Игорь проснулся оттого, что через открытое окно комнаты доносилось радостное бодрое фырканье. Выглянул и увидел, как Степан, стоя в одних черных трусах, обливается у колодца холодной водой.

Заметил Игорь, что у Степана на левом предплечье какие-то размытые синеватые пятна видны, словно кто-то безграмотно старую татуировку выжигал или по-другому убрать пытался.

Любопытно стало Игорю. Вышел он тоже на задний двор. Попросил Степана и его ведром воды из колодца окатить.

Обожгла вода Игоря, приятно обожгла. Сам он зафырчал громко и радостно. А потом спросил Степана о его синеватых пятнах.

Степан посмотрел сначала на тощего бледноватого сына хозяйки с сомнением. Мол, стоит ли с ним вообще говорить! Но глаза Игоря, светло-зеленые, проникновенные, вызвали на откровенность.

– Знаешь, – заговорил Степан негромко, – я бы и сам рад узнать, что там! Мне лет шесть-семь было. Больно было – помню, как плакал. Вроде батя мой в наколке этой зашифровал что-то. То ли для меня, то ли для себя. Дядька мой из Одессы мне так толком и не объяснил. Потом пропал мой отец, уехал куда-то. Я его не помню. Больше его не видел. Вырос у дядьки Лёвы и тетки Маруси в Одессе. Они мне рассказывали, что мать моя от отца сбежала, когда мне годика три было. Меня с ним бросила. Точнее, с бабушкой, его матерью. Она тоже в Одессе жила. Бабушка умерла, и меня забрали дядя с теткой. Сколько я дядьку, пока тот был жив, ни расспрашивал, а толку не добился. От него знаю только, что отец непростым мужиком был. Три раза в лагерях в Сибири сидел. За что – кто его знает? Может, в наколке что-то важное для меня обозначено было?! Но я ведь рос, кожа растянулась, размазала картинку так, что теперь и не разберешь!

Степан сам глянул на голубоватые следы татуировки.

Игорь подошел к Степану поближе. Посмотрел на левое предплечье. Увидел множество синих точек, не составлявших ни рисунка, ни текста. Задумался.

– А твой батя где? – спросил вдруг Степан.

Игорь просмотрел садовника в глаза. Отрицательно мотнул головой.

– Где-то в Киеве. Мать от него давно ушла. И правильно сделала, – Игорь вздохнул. – Мы ему были не нужны.

– И что, никогда с ним не встречаешься? – с сомнением в голосе поинтересовался Степан.

Игорь помедлил с ответом. Задумался. Потом снова отрицательно мотнул головой.

– Зачем?! Мне и так не плохо. У меня на память о нем пару шрамов осталось.

– Что, бил? – лицо Степана на мгновение приняло свирепое, сердитое выражение.

– Нет. Мать его со мной в парк или на аттракционы посылала. Он меня отпускал одного, а сам шел пиво пить и с мужиками разговаривать. Один раз меня велосипедист сбил, руку поломал. Второй раз и того хуже...

Садовник скривил губы.

– Ладно, – махнул рукой. – Хрен с ним! Забудем!

Игоря развлекла реакция Степана. Он ухмыльнулся, и снова уставился на «размазанную» временем татуировку.

– Знаете, а можно попробовать «прочитать» эту шифровку, – после недолгих размышлений сказал парень.

– Да как же ты ее прочитаешь?!

– Надо на цифровик сфотографировать! На цифровую камеру. А потом файл с фотографией на компьютере «покрутить». Может, что и выйдет! Да у меня и друг есть, классный компьютерщик. Если что, поможет!

– Ну, прочтешь – с меня бутылка! – усмехнулся Степан, на лице которого в этот момент, кроме насмешки, доброй и безобидной, в адрес хозяйкиного сына, ничего другого прочитать было невозможно.

Игорь вынес из дому цифровой фотоаппарат, сделал несколько снимков левого предплечья.

Глава 2

Выпив кружку кофе с молоком, Игорь засел за компьютер. «Слил» на него фотографии из цифровика. Увеличил, потом уменьшил, покрутил так и сяк, но «размытая» годами татуировка так и осталась непонятной. Разбросанные синеватые точки не превратились в рисунок или слово.

– Ладно, – смирился с неудачей Игорь. – Съезжу к Коляну в Киев. Если он не сможет что-нибудь с этим сделать, значит – дело гиблое! Останусь без бутылки от садовника!

Перенес фотографии на флешку, сунул ее в карман куртки.

– Мам, я в город! – сказал Елене Андреевне. – До вечера вернусь. Что-нибудь привезти?

Елена Андреевна отвлеклась от глажки одежды. Задумалась.

– Черного хлеба, если свежий будет! – наконец после паузы сказала она.

Солнце уже поднималось. В воздухе все еще витал приятный теплый запах лета. Осень пока не ощущалась, словно не следила она за календарем. Поэтому и трава была еще зеленой, и листья на деревьях.

Маршрутка на Киев подобрала Игоря минут через пять после того, как он вышел на остановку. Подобрала и так рванула с места, будто за рулем в ней сидел Шумахер, а не небритый пожилой дядечка в кепке, муж местной аптекарши.

Водитель включил «Шансон». И тут же оглянулся в салон, проверяя: не будет ли протестов со стороны пассажиров. Пассажиры-то разные бывают! Вот, к примеру, бывшая директриса школы – она «Шансон» на дух не переносит. Он, водитель, как только ее видит, вообще радио выключает. Но сегодня ей, видимо, в Киеве делать нечего, а значит, можно прокатиться с музычкой.

Игорь задумался о Степане и его татуировке. Механически проверил рукой: на месте ли флешка.

На мгновение возникло сомнение: а не врет ли этот Степан? Может, там действительно какие-нибудь эзовские эполеты выколоты были и он их просто убрать хотел, чтобы не отпугивать народ своим тюремным прошлым? Кстати, надо бы спросить: а не сидел ли он сам? Папа ведь, по его словам, трижды сидел! А яблоко от яблони... Хотя что он сам, Игорь, о своей «яблоне» знает?! Хорошего – ничего! Не дай бог он тоже таким станет?!

К месту, а точнее в тему его размышлений, на «Шансоне» в это время зазвучала жалобная эзовская баллада про маму, ждущую сына с зоны. Зазвучала и сбила Игоря с мысли.

Так он и доехал за полчаса до Киева, просто глядя в окно маршрутки и ни о чем не думая.

Дальше уже на метро до Контрактовой площади.

Его друг детства Колян работал программистом в банке. Может, и не программистом, но занят он был компьютерами. То ли чинил их, то ли программы контролировал. Во всяком случае, среди знакомых и друзей Игоря он был единственным спецом по компьютерам и, как многие из них, отличался некоторыми странностями, словно сам заразился когда-то компьютерным вирусом. Мог вдруг ни с того ни с сего тему разговора поменять или вместо ответа на конкретный вопрос начать рассказывать что-нибудь совершенно неуместное. Он и десять лет назад таким был, и двадцать. Повезло им, что росли вместе, учились в одной школе, и даже армия их не разделила – оказались они в одной воинской части под Одессой. У Коляна эта служба была похожа на праздник. Командиру части как раз компьютер в кабинет поставили. Колян его быстро обучил главному – как в компьютерные игры играть. И вот полковник каждую неделю отправлял его в Одессу за новыми играми. А Колян, не будь дураком, больше одной игры за раз не привозил.

Игорь часто заезжал к нему, когда бывал в Киеве. Просто так, без дела. Поболтать и пива выпить. Рабочий режим у Коляна был не строгий. Только один раз его вызвали по мобильнику обратно – зависла какая-то программа.

«Он там вроде дежурного врача», – подумал тогда Игорь.

Из банковских недр Колян «вынырнул» с зонтиком в руке.

– Дожда ведь нет! – удивился Игорь, глядя на зонтик.

– Сейчас нет, – согласился Колян как ни в чем не бывало. – А через полчаса все может измениться! У нас же сейчас погода – как курс доллара. Может по несколько раз на день меняться!

Они прошли на Хоревую и присели за столиком маленького уютного кафе.

– Ты что будешь? – спросил Колян. – Сегодня я банку!

– Ты – банкир, тебе и положено банковать! Давай по пивку!

– Не банкир, а «при банке», так что на бутерброды с икрой к пиву не рассчитывай!

Уже отпив из пол-литрового старорежимного бокала свежего разливного пива, Игорь вытащил из кармана флешку и опустил на столешницу. Рассказал Коляну о татуировке, о Степане.

– Сможешь?

– Попробую, – кивнул Колян. – Ты погуляй с часок тут по Подолу. У меня сегодня тихий день, все «компы» функциклируют как надо. Если что получится, я тебе сразу на мобильный звякну. Если не получится – тоже звякну!

Когда они вышли из кафе, с неба стал накрапывать дождик. Колян бросил на друга взгляд победителя. Открыл над головой зонт и, махнув рукой на прощанье, зашагал в сторону своего банка.

Гулять без зонтика под пусть даже и не сильным дождем Игорю не хотелось. Он отправился к кинотеатру «Жовтень» и попал как раз вовремя для того, чтобы посмотреть «Шрек-3». Смотрел, смеялся от души. И в какой-то момент заметил, что на сеансе нет ни одного ребенка! Только пенсионеры и пенсионерки. На мгновение удивился, но только на мгновение, потому, что осёл в мультике опять что-то смешное отмочил!

Уже выйдя после сеанса в фойе, Игорь уяснил причину такого странного и специфического подбора кинозрителей. На стенке висело объявление: «Пенсионеры и инвалиды всех трех групп имеют право бесплатного посещения нашего кинотеатра по вторникам на сеансе в 12–00».

Дождь на улице прекратился. Однако тучи на небе остались. Игорь не спеша направился к банку, в котором работал Колян, надеясь, что звонок приятеля застанет его в дороге как раз в ближайшие минут десять-пятнадцать. Ожидания Игоря оправдались. Как только он увидел знакомую вывеску банка, в кармане заиграл мобильник.

– Ну, давай, подходи! – жизнерадостно проговорил Колян.

– Я уже подошел!

– То есть?

– Напротив входа, – пояснил Игорь.

Колян вышел через пару минут. В руке у него Игорь заметил свернутый трубочкой лист бумаги.

«Получилось!» – мысленно обрадовался он.

– Ну, показывай! – попросил приятеля, сгорая от любопытства.

– Ага! Так я тебе сразу всё и показывать буду! – ехидно ответил Колян. – Нет! Потерпи! Ты теперь – мой должник! А я как раз проголодался! А когда я голодный – я злой. Ну, по крайней мере, не очень добрый...

Колян потянул Игоря за собой в кафе.

По дороге они прошли мимо клуба «Петрович».

– О! Глянь! – остановился Колян, показывая пальцем на афишу слева от входа в клуб.

«Каждую третью пятницу у нас РЕТРОПАРТИ. Среди пришедших в ретро костюмах будут разыграны тур в Северную Корею, поездка на Кубу и экскурсия в Москву с ночным посещением мавзолея».

– Круто! – Колян перевел свой горящий взгляд на приятеля. – Представляешь? Ночь в мавзолее! Темнота, ты и... Ленин! А?

Игорь пожал плечами. Он думал совсем о другом.

– Может, всё-таки покажешь?

– Нет, на голодный желудок я тебе ничего показывать не буду! – выдохнул Колян и, бросив еще один взгляд на заинтересовавшую его афишу, продолжил путь.

Минут через пять они зашли в кафе «Борщик».

– Что тебе взять? – спросил Игорь, понимая, что теперь Колян будет с удовольствием тянуть резину, наблюдая за его, Игоря, дружелюбно-раздраженным выражением лица, на котором не могло не прочитываться его раззадоренное и требующее немедленного утоления любопытство.

– Так! Значит, салат «Столичный», окрошку и компот! – выложил все свои желания Колян.

Игорь тут же передал эту информацию официантке. Себе ничего не заказал. Уселся напротив Коляна.

– А ты че, есть не будешь? – удивился Колян.

– Я уже сыт твоим голодом и своим любопытством! – натянуто улыбнулся Игорь. – Ну?! Ты мне покажешь?

– Да ладно, держи! – Колян протянул ему лист бумаги.

Игорь развернул свернутый трубочкой лист. Распечатка была черно-белой, точнее – серо-белой, но вполне отчетливой. Плеча Степана на распечатке было не видно, зато появились слова и рисунок. Буквы получились неровными, дрожащими, готовыми вот-вот снова рассыпаться на невнятные скопления точек.

– «ОЧАКОВ 1957. ДОМ ЕФИМА ЧАГИНА», – прочитал Игорь. Под словами был изображен якорь.

– А где это Очаков? – спросил Игорь.

– Ты что, не знаешь? – удивился Колян. – На Черном море, где-то между Одессой и Крымом. Там еще рядом остров Березань есть, на котором лейтенанта Шмидта расстреляли! Или ты про броненосец «Потемкин» тоже ничего не слышал?

Игорь кивнул, представив себе примерное расположение этого городка на карте Украины.

– А он что, действительно не знал, что за татуировку ему сделали? – поинтересовался Колян.

Игорь усмехнулся. Теперь любопытство явно охватывало его приятеля-компьютерщика.

– Ага, не знал, – Игорь кивнул.

Через полчаса они распрощались.

– Э! Ты не забудь, что у меня через две недели день рождения! Буду тебя ждать с подарком! – крикнул напоследок в спину приятелю Колян.

– Напомнишь – приду! – пообещал тот, обернувшись на мгновение.

Перед тем как сесть в маршрутку, купил буханку «Дарницкого» хлеба.

В маршрутке то и дело возвращал свой взгляд на распечатку восстановленной на компьютере татуировки. Воображение будоражило его мысли, и даже «Шансон» не мог теперь отвлечь его внимание от этих слов и якоря. В Киев он ехал с одной загадкой, а домой в

Ирпень возвращался с другой. Точнее, с той же загадкой, но теперь уже более конкретной и поэтому более интересной и захватывающей.

Открыв калитку, Игорь сразу отправился за дом, к хозблоку.

Степан сидел на табуреточке прямо под стенкой. Сидел и читал книжку.

– Что читаем? – поинтересовался Игорь.

– Да так, про войну, – ответил Степан, поднимаясь на ноги.

Книгу он закрыл и опустил на табуретку обложкой вниз, словно не хотел, чтобы Игорь узнал название и автора.

– А я вашу татуировку прочитал! – вырвалось у Игоря по-мальчишески хвастливо.

– Да ну! – удивился садовник. – И что там?

Игорь протянул ему лист бумаги.

– Очаков, тысяча девятьсот пятьдесят седьмой, дом Ефима Чагина, – медленно, вслух прочитал он и замер, оцепенел. Взгляд его остановился на распечатке.

Игорь стоял и ждал какую-нибудь конкретную реакцию от садовника.

– Ты иди, – сказал ему неожиданно холодным тоном Степан. – Мне бы одному побыть! Помыслить!

– Мыслитель! – едва слышно, пренебрежительно буркнул Игорь и развернулся. Зашел в дом. Оставил пакет с буханкой хлеба на кухне. Бросил взгляд на старые весы с двумя чашами, стоящие на подоконнике. В одной чаше весов стояли гири от легкой двадцатиграммовой до толстушки в два кило. В высокоподнятой второй чаше лежала расчетная книжка для платы за электричество, тоже придавленная гирей, будто бы иначе эта книжка могла улететь. Эти весы были чем-то вроде личного рабочего стола матери. Она и нужные ей документы и бумаги оставляла на весах, и, когда готовила, вес продуктов проверяла, хотя наверняка и без взвешивания могла отрезать от куска ровно сто граммов масла или насыпать в миску двести граммов муки.

Налил себе Игорь стакан молока и отправился в гостиную смотреть телевизор. На «Новом канале» как раз какой-то детектив показывали. Обычно Игорь смотрел бы фильм до конца, но сегодня всё ему казалось неинтересным. Всё, кроме загадочной татуировки. Минут пятнадцать промаявшись перед телеэкраном, Игорь снова обулся и вышел во двор. Подошел к кирпичному сараю, заглянул внутрь. Но Степана там не было. Не было Степана и в саду, и в огороде.

Игорь зашел внутрь проверить: не исчезли ли вещи садовника. Но рюкзак его висел на гвозде над кроватью, и одежда, сложенная, как после прачечной, аккуратно лежала на старой деревянной этажерке рядом с рубанком и прочим столярным инструментарием.

Глава 3

Вечером перед сном Игорь еще раз подошел к сараю, надеясь увидеть вернувшегося Степана. Однако садовника все еще не было.

Озадаченный его исчезновением, Игорь лег спать, но долго не мог заснуть. Переворачивался с боку на бок, закрывал глаза, но то ли возбуждение, связанное с поездкой в Киев, то ли какая-то не очень внятная тревога держали тело в напряжении. Пару раз ему слышались со двора какие-то звуки, похожие на шаги. Он поднимался, выходил на порог дома, но там его ожидала тишина. Тишина, наполненная обычными ночными посторонними шумами и звуками. Где-то высоко в темном небе летел самолет. Где-то кричал о своем одиночестве пьяный бомж. Где-то на сумасшедшей скорости через Ирпень мчалась иномарка.

Чтобы больше не отвлекаться, Игорь плотно прикрыл форточку, и в конце концов сон одолел его.

А утром к его далеко не бодрому из-за короткого сна состоянию добавилась еще и головная боль. Не сильная, но навязчивая. Эту боль он помнил с детства. Он к ней почти привык и иногда даже не обращал на нее никакого внимания.

– Ты уже встал? – крикнула из кухни мама. – Иди завтракать!

Съев яичницу, Игорь выпил кружку молока, а потом заварил себе чаю покрепче. Пока пил, заметил, что в поднятой чаше весов придавленная гирькой квитанция для уплаты за телефон лежит. Усмехнулся, взял из второй чаши еще одну гирьку и тоже на квитанцию опустил.

– Ты Степану тоже чаю сделай и бутерброд с колбасой! – попросила его Елена Андреевна.

Игорь автоматически кивнул. И вспомнил вчерашний вечер.

«Может, вернулся уже? – подумал. – А если вернулся, то чай да бутерброд его только обрадуют. Заодно и разговорчивее будет...»

«Дарницкий» хлеб, привезенный прошлым вечером, за ночь не очерствел. Елена Андреевна хлеб всегда в целлофановый пакет завязывала. Отрезал Игорь два толстых ломтя. По-крестьянски щедро маслом намазал и по куску докторской колбасы поверх положил. Бутерброды – на тарелку. В другую руку – кружку чаю.

Дверь в сарай была прикрыта. Игорь не помнил: закрывал ли он ее прошлым вечером. На всякий случай постучал. Ответа не последовало.

Оставив кружку с чаем на пороге, Игорь зашел внутрь. Все, как было вчера. Не возвращался Степан.

Прихватив с порога чай, Игорь закрылся в сарае и остановил свой взгляд на рюкзаке садовника. Станный, необычный полумрак помещения – свет сюда попадал только через небольшое окошко справа от двери – создавал немного таинственную атмосферу. Можно было, конечно, щелкнуть выключателем и наслаждаться бодрым свечением стоваттной лампочки, свисавшей с потолка. Можно было бы и настольную лампу принести – благо, три розетки предлагали свободный доступ к электроэнергии. Все здесь было приспособлено для комфортной хозяйственной работы с использованием электроинструмента. Да и сами инструменты лежали и на этажерке, и в двух деревянных ящичках.

Но Игорю больше нравилась атмосфера таинственности. Может, потому что сам Степан так таинственно исчез, прочитав то, что когда-то было наколото на его предплечье? А может, потому что, несмотря на исчезновение садовника, часть тайны все еще присутствовала где-то здесь рядом и ее можно было попробовать отыскать. Только вот где? Может, в рюкзаке?

Нет, Игорь не собирался взять и враз вытрусить все содержимое рюкзака на бетонный пол или на старый половичок. Хорошее воспитание заставляло его уважать любую частную собственность: и движимую, и недвижимую, и даже просто бегающую и при этом лающую – как, к примеру, соседского пса Барсика. Но любопытство, устойчивое и настойчивое, не позволяло Игорю перевести взгляд с этого наполовину пустого брезентового рюкзака на что-нибудь другое. К тому же рюкзак не был застегнут, хоть и имел для этого два ремешочка.

В конце концов Игорь осторожно заглянул внутрь, но ничего там рассмотреть не смог. Включил свет и снова опустил взгляд внутрь рюкзака. Там, на дне, лежала коробка с нарисованной на ней электробритвой, а сбоку какие-то тряпки, носки, кеды.

На мгновение прислушавшись к внешнему миру, Игорь вытащил из рюкзака картонную коробочку и осторожно открыл. Там действительно лежала старомодная электробритва вместе с инструкцией и набором сменных круглых ротационных лезвий. Игорь покрутил ее в руках. Ему показалось странным, что Степан пользуется таким антиквариатом. Но, с другой стороны, и сам Степан, по сравнению с Игорем, тоже был «антиквариатом», не очень ярким, но в чем-то типичным представителем прошлого, двадцатого века. Такие люди всегда консерваторы и любят хранить то, к чему привыкли с молодости.

Опуская бритву обратно в коробочку, Игорь заметил на дне еще какую-то бумажку, выглядывавшую из-под узкой книжицы-инструкции. Приподнял пальцем инструкцию и вытянул оттуда почтовый конверт – тоже из прошлого века. На жирной печати, поставленной «мимо» почтовой марки, легко прочитывалась дата: «19.12.99».

Внезапно со двора донесся шум. Перепугавшись, что садовник застанет его за столь неблагородным занятием, Игорь опустил коробочку с бритвой на место, на дно рюкзака, и только затем понял, что письмо осталось у него в руке.

Быстро засунул письмо в карман брюк. Выключил свет и вышел.

Больше всего он сейчас боялся столкнуться нос к носу с садовником. Но Степана во дворе не было. Шум, который напугал его, повторился. Это сосед бензопилой разделял старую вишню – запасался дровами на зиму. Дрова ему были нужны для сауны, а не для отопления – дом у него, как и у них с мамой, отапливался газовым котлом.

– Как делишки? – окликнул Игоря сосед, отняв бензопилу от ствола уже поваленной вишни.

– Ничего, – громко ответил Игорь. – Порядок!

– Это пока порядок. А со следующей недели похолодает, – поделился новостью сосед и вернулся к своему занятию. Пила снова завизжала.

Игорь кивнул и торопливо зашел в дом.

– Как там Степан, не мерзнет? – спросила мама, заметив вернувшегося сына.

– Да нет его там, ушел куда-то. Кажется, еще вчера!

К удивлению Игоря, Елена Андреевна никак не отреагировала на исчезновение садовника. Впрочем, подумал Игорь, какое это исчезновение, если вещи остались?!

И сам успокоился. К радости своей заметил, что головная боль прошла. Налил себе еще одну кружку чая.

Елена Андреевна заглянула в кухню минуты через три, нарядно и аккуратно одетая.

– Как вернется, скажи ему, чтобы картошку еще раз перебрал. Да и пусть уже потихоньку в погреб ее опускает!

– А ты куда? – поинтересовался сын.

– На почту за пенсией, а потом к сапожнику зайду – пора зимние сапоги чинить.

Проводил маму взглядом – окно кухни как раз на калитку выходило. Потом из кармана конверт достал. Внутри – открытка с новогодними поздравлениями: «Дорогой папа! Пускай новое тысячелетие принесет в твою жизнь радость и счастье! Крепкого тебе здоровья! Твоя Аленка!»

Игорь перевел удивленный взгляд с открытки на конверт. Отправитель: Садовникова Алена, Львов, ул. Зеленая, 271.

Получатель: Садовников Степан Йосипович, Киевская область, г. Бровары, ул. Матросова, 14.

– Садовников работает садовником?! – усмехнулся Игорь.

Отпил чаю. Посмотрел снова в окно и, кажется, в первый раз обратил внимание на пожелтевшие листья молоденьких яблонь, высаженных перед домом три года назад. На ветвях деревьев висели покрасневшие яблоки – зимний сорт. Такие и до апреля долежат в целости и сохранности!

По небу летели рваные, полупрозрачные облака. Через них то и дело пробивались и падали на осеннюю землю уже не очень-то яркие и теплые солнечные лучи.

Игорю захотелось прогуляться. Но первым делом он переписал оба адреса с конверта в блокнот, а сам конверт с открыткой положил на место – в коробочку с электробритвой.

Прохладный ветерок дул в лицо. Игорь дошел до автостанции. Взял себе в киоске за гривну кофе «три в одном». Отошел в сторонку. Тонкий одноразовый стаканчик приятно обжигал пальцы. Теперь надо было обождавать минуты три-четыре, а потом уже пить. Игорь смотрел по сторонам, провожал взглядом проезжающие мимо машины.

У автостанции остановилась маршрутка из Киева. Игорь посмотрел на выходящих из нее пассажиров и вдруг увидел среди них Степана. Степан, сойдя со ступеньки бусика, остановился. Достал сигарету. Закурил. Вид у него был задумчивый, даже, кажется, угнетенный. Несколько раз он огорченно мотнул головой. Уголки губ опущены. Докурив сигарету, бросил бычок под ноги и, придавив его носком ботинка, отправился по улице в сторону их дома.

Игорь, неспешно допив «три в одном», тоже пошел домой. На ходу вспомнил, что оставил в сарае бутерброды с колбасой и кружку с чаем. Чай, конечно, давно остыл. Он ему сейчас свежего заварит и занесет. А бутерброды – что с ними за час-другой станет?! Главное, чтобы мыши не съели!

Минут двадцать спустя Игорь с кружкой горячего чая в руке постучал в дверь кирпичного сарая.

– Чего стучишь?! – удивился, открыв, Степан. – Ты ж тут хозяин, а не я!

Но чаю он был рад. Да и бутерброды съел, причмокивая от удовольствия.

– К товарищу своему старому ездил, – рассказал Степан. – Хотел у него денег на поездку попросить – он передо мной в долгу был. Я ему когда-то жизнь спас. Да вот, не успел он мне добром за добро оплатить – помер. У хорошей женщины в Боярке лет десять назад прижился. Она следила, чтоб он не пил – была у него прежде такая слабость. А он всё одно умер. Сердце! А деньги нужны – надо ведь туда поехать...

– Куда? – спросил Игорь.

– Ну, туда, в Очаков! На дом посмотреть. Отец там точно бывал. Может, и родственники какие еще остались... Ты с деньгами не подможешь?

Игорь задумался. Деньги у него были – откладывал потихоньку на мотоцикл. Но мотоцикл есть смысл только весной покупать. Что с ним зимой делать?!

– А меня с собой возьмете? – спросил он.

– Хочешь – поехали! Вдвоем веселее. А вдруг там клад найдем?! – усмехнулся он. – Тогда поровну и поделим!.. Нет, поровну – нечестно! Мы ж не одногодки! Ты моложе на две трети. Я тебе одну треть дам!

На небритом скуластом лице Степана заиграла хитроватая улыбка.

– Денег ведь много не надо! – продолжил он. – На билеты до Очакова, ну и там: на житье и хлеб.

– Хорошо, – Игорь кивнул. – А когда поедем?

– Да хоть завтра!

Игорь отрицательно мотнул головой.

– Мама просила картошку перебрать и в погреб спустить. Ну и вообще надо порядок в огороде и в саду навести, чтобы она не огорчалась.

– За день-два сделаю, – пообещал Степан. – Да и ведь потом я снова сюда, к вам. Пока не прогоните! Хотя бы до весны.

– Хорошо, – Игорь внимательно посмотрел в глаза Степану. – Я билеты на поезд по телефону закажу. Только им надо фамилии пассажиров продиктовать...

– Садовников – моя фамилия, – произнес Степан.

Игорь не смог сдержать улыбки. Какое-то детское чувство в нем возникло, будто он кого-то перехитрил. Ну да, знал он уже фамилию Степана! Ну и что с того?!

– Чего смеешься?! – незлобиво спросил Степан. – Каждый человек должен в гармонии со своей фамилией жить. Если у тебя фамилия Чеботарь – то будь сапожником, а если Садовников – то лучше тебе садовником быть. Вот и всё. Твоя фамилия-то как?

– Возный.

– Возный, а ни машины с шашечками, ни лошади нет! – усмехнулся теперь Степан.

– Я себе весной мотоцикл куплю, – совершенно серьезно заявил Игорь. – Или раньше, если в Очакове клад найдем! – при последних словах он едва сдержал улыбку.

– Мотоцикл – дело хорошее, – закивал Степан, сделавшись внезапно тоже серьезным, только в отличие от Игоря – по-настоящему серьезным.

Глава 4

Об отъезде в Очаков Игорь сообщил матери через три дня, в пятницу.

Елена Андреевна, то ли просто так, то ли оттого, что все в хозяйстве выглядело как положено, пребывала в хорошем настроении. Услышав об отъезде сына и Степана в Очаков, она только чуть-чуть удивилась.

– А что вам там делать осенью? – удивилась она. – Море уже холодное!

– У Степана в Очакове родственники жили, – ответил Игорь. – Хочет их дом найти. Может, кто еще живой!

– А поезд когда? – спросила мать.

– Завтра, в семь вечера.

– Ну, так скажи Степану, что мы сегодня тут, в доме, поужинаем! Я курицу купила.

На ужин Степан пришел выбритым до синевы и в начищенных ботинках. Вид у него, несмотря на помятые брюки и на мешковатый черный свитер, был почти торжественный.

Елена Андреевна поправила на круглом столе желтую скатерть, расставила тарелки и стаканы. Достала из шкафчика початую бутылку водки и бутылочку домашнего вина, подаренного соседкой. Потом принесла из кухни глубокую глиняную миску, в которой лежала запеченная в духовке курица, присыпанная мелкой притушенной картошкой.

Курицу она разрезала сама и сама же разложила по тарелкам.

– Угощайтесь, – кивнула она Степану на водку.

– Спасибо, я не пью, – негромко произнес он.

– Может, вина? – она посмотрела на него доброжелательно.

– Мне вообще лучше без алкоголя, – чуть громче заговорил Степан. – Я, как говорят, свою бочку уже давно выпил! Мне теперь равновесие тела и духа важнее...

Игорь удивленно мотнул головой: ничего себе выражается! Точно как знакомый баптист, живущий через три дома от них.

Елена Андреевна принесла литровую банку с прошлогодним вишневым компотом.

– Вы уж сами наливайте, – попросила она Степана.

Степан спокойно налил себе, потом обернулся к Игорю.

Игорь подставил свой стакан. А его мама всё-таки решила побаловать себя домашним винцом.

Пожелав всем приятного аппетита, она принялась за еду, только краешком глаза иногда поглядывая: с удовольствием ли ужинают мужчины.

– Так вы надолго? – спросила она после паузы.

– Ну, пару дней пробудем, – Игорь пожал плечами. – Мы тебе позвоним!

Ее взгляд уперся в Степана, который вдруг занервничал, провел ладонью по свежевывритым скулам.

– Я потом отработаю, вы не думайте, – сказал он. – Ну, если придется задержаться...

– Да что вы, – махнула рукой Елена Андреевна. – Я не о том. Просто скучно одной в доме...

На следующий день после обеда Степан и Игорь ехали в маршрутке в сторону Киева. В ногах у садовника стоял его наполовину пустой рюкзак. На коленях у Игоря лежала сумка со свитером и с пакетом еды, собранной Еленой Андреевной им в дорогу. В микроавтобусе громко пело радио «Шансон».

Игорь покосил взглядом на Степана, сидевшего у окна.

– А где мы там ночевать будем? – спросил его.

Садовник вздрогнул.

– Устроимся! Ночевка – не проблема. Главное – доехать.

Выпив в привокзальной стекляшке по стакану чая, они вдвоем еще часа два сидели на жесткой скамейке зала ожидания.

Наконец объявили о посадке. Степан забросил рюкзак на плечо и оглянулся на Игоря. В свое купе они зашли первыми.

– Вот бы так вдвоем и ехать, – подумал Игорь, заталкивая сумку под столик.

Увы, надежды Игоря не превратились в реальность. Уже минуты через три в их купе ввалились два командировочных, обоим лет по сорок. Попросили Игоря подняться и засунули в пространство под нижней полкой два одинаковых чемодана. А вот объемный пакет с позвякивающими бутылками оставили на полу.

– А вы, мужики, до Николаева? – спросил один.

Степан кивнул.

– Ну, тогда скучать не будем! – пообещал командировочный. – Пивка у нас на всех хватит, а не хватит, так у проводников можно чем-нибудь покрепче разжиться! Я их тут всех по именам знаю.

Игорь заметил, как Степан нахмурился и отвернулся к окошку.

Командировочные резво вытащили из пакета бутылок пять пива, поллитровку «Немирова», палку колбасы, батон и пакет с солеными огурцами. В купе сразу запахло общепитом.

– Слышь, к проводнику за стаканчиками сходи! – попросил Игоря второй командировочный.

– Так он ведь билеты проверяет.

Командировочный хитро прищурился.

– Не бойсь, он пока на улице, а билеты будет проверять, когда поезд тронется!

Нехотя Игорь подошел к служебному купе. Дверь была открыта, внутри никого не было. Игорь взял с полки четыре стакана.

– Ну вот, а говоришь – он билеты проверяет! – обрадованно произнес второй командировочный.

Игорю вдруг показалось, что эти двое пассажиров братья – так они были похожи своей непримечательностью и отсутствием в их лицах отличительных черт. Оба усатые, у обоих по паре глаз и ушей, по носу и по рту. И всё! И каждая деталь лица – как бы совершенно безликая, словно их специально оперировали, убирая с лица всё, на чем можно остановить взгляд. Или это результат хронических командировок с короткими пьяными снами?

А один из командировочных уже открыл пиво и разливал по стаканам. Движения его рук были привычными и четкими. На лице – застывший задор.

– Я не буду, – сухо произнес, подняв голову, Степан.

– Что, болезнь? – спросил разливавший.

– Хуже.

– Ну, насильно пьян не будешь! – махнул рукой командировочный и перевел взгляд на Игоря. – А ты?

– Я чуть-чуть, – сказал Игорь. – Нам с утра работать...

– А нам танцевать!!! – рассмеялся разливавший. – Мы тоже не в отпуск едем. – Два дня подводной сварки, потом по пол-литра на брата для согрева, и назад!

«Подводная сварка» вызвала у Игоря уважение.

Разливавший протянул руку Игорю.

– Ваня, – представился он. – А это Женя, – показал он взглядом на напарника.

– Я выйду покурю, – Степан поднялся и покинул купе.

Поезд тронулся. Женя добавил себе и напарнику в пиво водки. Взглядом предложил Игорю сделать такой же коктейль, но Игорь отказался.

На минутку зашел в купе проводник. Собрал билеты. С командировочными поздоровался, как со старыми знакомыми.

– Только песни не пойте ночью, – попросил их, уже выходя, дружеским тоном.
Выпив стакан пива, Игорь решил отыскать Степана.

Тот стоял в тамбуре.

– Выпили бы хоть каплю из вежливости, – сказал он ему.

– Если я выпью, то весь вагон спать не будет, – усмехнулся Степан. – А для радости мне и чая хватит!

– А если там, в Очакове ваших родственников найдем? К ним жить переедете? Или у нас останетесь? – спросил Игорь и почувствовал себя неловко – так нескладно его вопрос прозвучал.

– Кто его знает?! – пожал плечами Степан. – Ну, если найду... Но какое им до меня дело?! Я ведь – человек без денег и без прописки. Ни помощи, ни дружбы, ничего не прошу. Научился своими руками жить. Познакомлюсь, да и всё тут... Буду знать, что не одни мы с дочкой на этом свете. Хотя вряд ли там кто из родни... Родственников можно и без наколки найти. Там что-то другое.

К их удивлению, когда вернулись они из тамбура в купе, все бутылки на столе стояли пустыми, а сами командировочные уже лежали на верхних полках.

– Там огурцы остались, угощайтесь, – проговорил сверху один из них.

На площади перед николаевским вокзалом стоял ряд микроавтобусов с выставленными в лобовых стеклах названиями конечных пунктов маршрута. Игорь сразу заметил под стеклом одного из бусиков – «Очаков – коса».

– Когда отъезжаете? – спросил водителя Игорь.

– Как наполнимся, так и поедem, – ответил тот, громко жуя семечки.

* * *

Над Очаковым вовсю светило солнце. Освещало оно и несколько серых «хрущевок» вокруг безликого двухэтажного автовокзального аквариума, и три киоска, и нескольких бабушек, торговавших прямо с асфальта яблоками.

Степан, осмотревшись, сразу к этим бабушкам и отправился. Игорь поспешил за ним.

– Почем «Симиренко»? – спросил Степан у одной из них.

– Две гривны кило, – ответила она. – Будете брать – уступлю по полторы...

– А вы не знаете, где бы нам подешевле угол снять на пару дней? – Степан сменил тему, чем, правда, старушку совсем не удивил.

– А чего ж вы так поздно приехали? – она сочувственно развела руки. – В море уже только пьяные да детки купаются...

– А мы – моржи, – улыбнулся садовник. – Мы не купаться, мы город посмотреть.

– А чего у нас смотреть?! – сама себя спросила старушка. – Хотя чего! Церковь есть, музей с картинами где-то в центре... Кажуть, интересный...

– Пойдем, обязательно и в музей пойдем, – закивал Степан. – Только сначала нам бы угол снять!

Старушка проницательным взглядом осмотрела обоих приезжих с ног до головы.

– Есть у меня комнатка... Но меньше чем за десять гривен в сутки я ее не сдам. Это без еды, конечно...

– Ладно, торговаться не будем, – произнес садовник, будто бы нехотя соглашаясь.

– Маша, ты мои попродаешь? – обернулась она к соседке по придорожному базарчику. – Я щас вернусь!

Та кивнула.

Автовокзал и несколько «хрущевок» остались позади. Старушка вела приезжих мимо частных домов.

– Сами-то откуда? – спросила по дороге.

– Из столицы, – ответил Степан.

Вскоре зашли они во двор старого кирпичного дома. Игорь сразу направился к ступенькам порога.

– Эй, милоч, не туда! – крикнула замешкавшаяся у калитки хозяйка.

И привела их за дом, где гости увидели еще две кирпичные пристройки.

В одну из них она и запустила мужчин, сняв с дверцы навесной замок и вместе с ключом передав его Степану. Внутри стояли две железные кровати, аккуратно застеленные. У маленького окошка – столик и два стула, а под стеной такая же старая деревянная этажерка, какая стояла у Игоря в кирпичном сарае.

– Ну вот, располагайтесь, – сказала она. – А я пойду дальше торговать.

Уже выходя, она оглянулась.

– Может, наперед заплатите?

Игорь протянул ей двадцать гривен.

– Если дольше пробудем, доплатим!

После того как Степан выкурил сигаретку, они с Игорем отправились на прогулку по городку. Улица, по которой они шли, показалась Игорю бесконечной.

– Я думал, Очаков не больше Ирпеня, – выдохнул он.

– Больше или не больше, а в таких городках все друг друга знают, это главное! – твердо и самоуверенно произнес Степан. – Это главное, и не самое приятное. Они сразу видят, кто чужой!

Хозяйку-старушку звали Анастасия Ивановна. Вечером она постучалась в их окошко и позвала в дом поужинать.

В доме Анастасии Ивановны стоял запах старых одежд. Игорю этот запах был знаком с детства – у его бабушки в деревне был сундук с платьями, пальто и платками. Игорь иногда заглядывал внутрь и оттуда сразу в нос бил этот странный, затхлый запах, который, однако, нельзя было назвать невыносимым или даже неприятным. Присутствовало в нем даже что-то сладкое и что-то от осенних прелых листьев.

Угощала она гостей тушеной капустой с грибами. Ничего алкогольного на стол не поставила, зато сразу налила гостям чаю из большого фаянсового чайника.

– Вы здесь давно живете? – спросил ее Степан.

– Да я очаковская, родилась тут, – сказала хозяйка.

Глаза у Степана загорелись. Он бросил быстрый взгляд на Игоря, а потом возвратил его на Анастасию Ивановну.

– А вы случайно про Ефима Чагина ничего не слыхали? – спросил он отчетливым сухим голосом.

– Про Фиму?! – удивилась она. – Как же не слыхала?! Фиму раньше здесь каждый второй знал!

На ее лице появилась задумчивая улыбка.

– Фима красивый был, и шустрый. Он женскому полу очень нравился. Жаль, что его убили...

– Как убили? Когда? – вырвалось у Игоря.

Хозяйка задумалась.

– Должно быть, при Хрущеве было... Точно! Сразу после того, как Хрущев Гагарина в космос запустил. Или раньше? После спутника, которого тоже Хрущев в космос... Помню, на похоронах все только про космос и шептались.

– А дом, где он жил? – осторожно спросил Степан. – Дом этот еще стоит?

– Стоит, стоит, – закивала хозяйка. – Куда ему деться?!

Степан многозначительно посмотрел на Игоря. В его взгляде блеснул азарт, и губы в такт этому азарту растянулись в едва заметной усмешке.

Глава 5

Игорю в эту ночь спалось неважно. Панцирная сетка под матрасом скрипела каждый раз, когда он переворачивался с боку на бок, и своим скрипом будила его. Хорошо еще, что не будил этот скрип Степана, похрапывавшего на соседней кровати.

В конце концов Игорь улегся на спину и лежал с открытыми глазами. Смотрел в низенький потолок, едва видимый из-за темноты. Смотрел и вспоминал прошедший вечер и ужин у хозяйки, как она улыбалась какой-то почти детской улыбкой, говоря о Фиме Чагине, и эта улыбка так странно смотрелась на ее высохшем лице. Под конец разговора она даже проговорила, что и сама была в этого Фиму влюблена, впрочем как и многие другие девушки Очакова. Фима Чагин был заметный, худой, длинный и с острым кадыком на шее. Нос у него тоже был острый. Появился он в Очакове внезапно – его бабушка жила в большом доме и вдруг заболела. После войны дело было. И родители отправили его из Каховки к ней, чтобы после ее смерти дом никому чужому не достался. Бабушка выздоровела и прожила, по словам хозяйки, еще лет десять вместе с внуком, дружно и нескучно. Он, как приехал, сначала со всеми очаковскими забияками передрался, показал свою прыть. Они после этого Фиму зауважали, и стал он считаться своим, «очаковским». Ходил на рыбалку, лазил с другими пацанами в порт, чтобы что-нибудь украсть, снимал с неместных рыбацких лодок якоря и перепродавал их на базаре. Иногда его ловили, но он снова вырывался и убегал. И бегал так, пока за какую-то мелочь не посадил его участковый на два года. А когда Фима вышел, стал он уже повзрослевшим и молчаливым. И бегать перестал, а ходил с тех пор медленно и многозначительно. И люди к нему приезжали всякие отовсюду: из Таганрога, Ростова, Одессы. Иногда жили у него в доме по несколько недель, а потом пропадали, но на их место приезжали другие. И все как на подбор худые и поджарые. И деньги у него водились. И участковый с ним здоровался и ни о чем больше не спрашивал. И так длилось лет пять-шесть, а то и дольше, пока его не нашли зарезанным в собственном доме.

Игорю вспомнилось, как блеснул огонек в глазах старушки, когда она про само убийство Фимы рассказывала. Лежал Фима, говорила она, посреди гостиной на спине. Из груди нож торчал, а рядом толстенная пачка рублей, перевязанная бечевкой, лежала. И записка: «На роскошные похороны».

Пообещала старушка следующим утром этот дом показать.

Вернувшись в комнату, Степан, ни слова не говоря, разделся, лег и сразу захрапел. А вот ему, Игорю, со сном в эту ночь не везло. И приходилось ему под храп Степана думать и вспоминать прошедший день и прошедший вечер.

Под утро он всё-таки задремал. Задремал ненадолго, потому что очень скоро, словно в самое ухо, закричали вдруг птицы, и глаза его сами открылись, словно от испуга. Оказалось, Степан открыл окошко пристройки, за которым под восходящим солнцем прогревалось звонкое осеннее утро.

Кивнув вместо «здрасте», Степан вышел во двор в одних трусах. Во дворе звякнуло ведро, полилась вода из колонки, а потом громко зафыркал садовник и вбежал тут же обратно в пристройку, мокрый по пояс.

Побрившись, Степан снова вышел во двор, но тут же вернулся с двумя крупными яблоками. Одно бросил Игорю.

– Держи завтрак! – сказал и смачно с хрустом откусил кусок от своего яблока.

Минут пятнадцать спустя их окликнул со двора знакомый голос старушки. Ни паспортами, ни их именами вчера она не интересовалась. Поэтому, постучав в окошко, просто сказала: «Эй, любезные!»

«Любезные» вышли. Степан навесил на дверь пристройки замок, закрыл его и дважды проверил.

– Это на улице Косты Хетагурова, – говорила Анастасия Ивановна по дороге. – Тут недалеко. Там сейчас контора какая-то. То ли пенсионный фонд, то ли еще что-то.

Пройдя мимо маленького магазинчика, они повернули налево. Впереди показались двухэтажные кирпичные дома. Дальше был пустырь со сгоревшей деревянной хатой, а за пустырем, за невысоким железным заборчиком, стояло неприглядного вида одноэтажное строение с высоким цоколем. Двойные деревянные двери коричневого цвета подчеркивали неприветливую казенность заведения. По обе стороны от дверей висели таблички: «Организация ветеранов труда г. Очакова» и «Общественная приемная депутата Николаевского облсовета Волочкова А. Г.».

– Вот он, – остановилась старушка. – Всё такой же! – В ее голосе прозвучали слезливые нотки. – Там раньше, при Фиме, четыре больших комнаты было с печками, а теперь, небось, комнат десять! Я как-то туда заходила, к ветеранам. Думала, помогут надбавку к пенсии получить. – Она печально махнула рукой. – Да, а лет, наверно, пять назад тут же и Егорова еще живого видела, участкового этого, который Фиму засадил! Помер уже, должно быть...

Степан сосредоточился, посмотрел на Анастасию Ивановну внимательно.

– Участковые обычно долго живут, – проговорил он задумчиво. – Может, проверить надо... Вы его адрес знаете?

– Адреса точного не знаю, а дом помню. Это туда вот, – она махнула рукой вдоль улицы. – В сторону моря. Забор у него раньше красный был...

– Может, давайте к нему сходим? – предложил Степан. – Нам всё-таки нужно бы с ним поговорить, если он живой.

Минут пять еще пришлось им уговаривать Анастасию Ивановну, прежде чем она сдалась и повела их к дому Егорова.

Дверь в маленьком оштукатуренном домике за красным забором открыла веснушчатая девочка лет шести.

– Дедушка дома? – спросила ее старушка.

– Деда! – закричала девочка, обернувшись назад. – Тут к тебе!

В коридор выглянул невысокий сухонький старичок в синем шерстяном спортивном костюме с эмблемой «Динамо». Первым делом он уставился несколько напуганно на двух стоящих на пороге мужчин и только потом заметил рядом с ними низенькую, ссутулившуюся под тяжестью прожитой жизни Анастасию Ивановну. Выражение его лица смягчилось.

– Настя, что ли? – спросил он, не сводя глаз со старушки.

– Да вот, упростили меня к тебе отвести постояльцы мои, – кивнула она на Степана и Игоря. – Зайти можно?

Старик кивнул.

Провел их в комнату, по дороге пытаясь прихлопнуть ладонями летавшую в коридоре моль. Усадил за стол, покрытый плюшевой скатертью.

– Чем обязан? – спросил, сам усевшись напротив.

– Тут такое дело, – начал объяснять Степан. – Фима Чагин был то ли моим родственником, то ли другом отца... Вот я и хотел это выяснить... Поэтому в Очаков приехал.

– А я тут при чем? – удивился старик.

– Ну, вы же его в тюрьму садили, значит, что-то о нем знали! – сказал Степан. – Например: с кем он дружил? Ведь дружил же он с кем-нибудь тут?

– Дружил?! – переспросил старик. – Может, и дружил. Не знаю. А занимался он... как бы это пояснить?! Да всем занимался! Краденое продавал, гостей подозрительных принимал. Его дом был чем-то вроде «почты до востребования». Оставляли ему на хранение всякое и на год, и на два... Платили, понятно, за это. В милицию на него сообщали, с обысками

к нему приходили, но никогда ничего не нашли. Так и жил себе, пока не убили. Может, чаю выпьете?

Анастасия Ивановна оживилась и за всех кивнула.

Пробовал Степан во время чаепития еще что-нибудь разузнать, но старик больше ничего нового не рассказал.

– Видимо, и мой отец у него бывал, – размышлял вечером Степан, когда сидели они уже в своей комнатке на кроватях. – Жил и, наверно, оставлял что-нибудь на хранение... Значит, всё-таки из воров он был...

На следующий день они вдвоем сходили на базар, где Степан купил ломик-гвоздодер и два фонарика. Расплачивался за покупки Игорь. Расплачивался неохотно – уж очень специфические они делали покупки.

Предчувствие его не подвело. Этим же вечером, прихватив гвоздодер и фонарики, повел его садовник на улицу.

– Погуляем сначала, присмотримся, – говорил он полушепотом по дороге. – А потом заглянем туда, в дом Чагина. Иначе зачем приехали?!

Темное южное небо висело над головами, в носу щекотал запах моря, где-то громко работало радио, передававшее турецкие песни на турецком языке.

Пройдя несколько раз мимо дома Чагина, они наконец зашли во двор и притаились за деревом справа от порога.

– За это ж посадить могут! – испугался Игорь, понимая, что будет дальше.

– За что?! За то, что я хочу разобраться в своем детстве? Мы же никаких сейфов отсюда выносить не будем! – попробовал успокоить его Степан.

Минут двадцать прислушивались они к тишине. За все это время лишь одна машина проехала по улице. Город засыпал рано.

Степан умело сорвал гвоздодером навесной замок, поддел дверь снизу этим же гвоздодером и приподнял ее так, что язычок встроенного замка выскочил из паза и она открылась.

Степан быстро прошел внутрь. Игорь за ним. Прикрыли за собой дверь и сразу оказались в крошечной тьме.

Степан включил свой фонарик, а Игорь – свой.

– Милиция – не дурная, – зашептал Степан. – Если они сюда с обысками приходили, то наверняка и под полом искали, и на чердаке. В печках, должно быть, тоже копались... Только вроде печек тут больше нет...

Степан водил лучом фонарика по стенам, по чугунным, покрашенным в белый цвет батареям. Подошел к дверям с вывеской «Общественная приемная». Игорь и не заметил, как дверь приемной открылась, и Степан оказался внутри, уже освещая фонариком стены и пол следующего помещения.

– Так, – сказал он. – Надо все по-научному делать, а то мы и до утра не разберемся! Стой здесь, а я открою все двери и потом начнем по часовой стрелке...

Игорь выключил свой фонарик и замер в темноте, только слушая, как шелкали, открываясь, поддетые ломиком-гвоздодером двери.

Вскоре Степан вернулся, дотронулся до плеча Игоря и кивком приказал следовать за ним. Они прошли по всем комнатам, освещая фонариками полы, стены, неказистую офисную мебель советского образца. Снова вернулись в приемную депутата Волочкова.

– Значит, так, – размышлял вслух Степан. – Чердаки и полы отбрасываем. Печек нет. Остаются стены. Простукивать умеешь?

– Это как? – спросил Игорь.

– Как доктор! Костяшками пальцев стучишь, и если звук глухой – идешь дальше, а если вдруг звонче, словно пустота там, останавливаешься и зовешь меня! Стучим вместе. Я по правой от двери стороне, ты – по левой!

В темной тишине принялись они простукивать стены: вверх до приземистого потолка и вниз, до стыка с половой доской. Уже в третьей комнате, справа от массивного угрюмого сейфа, показалось Игорю, что стенка под ударами костяшек его пальцев зазвучала по-другому.

– Степан! – окликнул он шепотом. – Тут, кажется, что-то есть.

Степан подошел, перепроверил.

– Да она тут, кажется, вся пустая, – с сомнением произнес. – Я пойду, с другой сторону простучу!

Из смежной комнаты он вернулся приятно озадаченным.

– Толстоватый простенок выходит! – сказал он, сжимая в правой руке ломик-гвоздодер. – Ну, с богом!

Он с напряжением на лице ткнул ломиком в стенку, и ломик, сначала упершись во что-то, тут же прошел глубоко внутрь, словно провалился в пустоту.

– Интересно, – прошептал Степан, подсвечивая себе фонариком.

Он расширил дырку. Игорь заметил, что под штукатуркой торчали куски старой, потемневшей фанеры.

Минут за десять они разобрали кусок стены и посветили внутрь.

– Вот те на! – вырвалось у Степана, когда лучи двух фонариков уперлись в три старомодных кожаных чемодана, покрытых пылью и строительной крошкой. – Вот тебе и камера хранения, которую никто до нас найти не мог!

Степан вытащил один за другим все чемоданы. Сдул с них пыль и мусор, потом охлопал руками свою одежду и выключил фонарик.

Выходили они тихо, стараясь не произвести ни единого звука. Степану удалось даже входную дверь тихо за собой прикрыть.

Удивительно, но и по дороге к дому Анастасии Ивановны им никто не попался. «Замечательный, однако же, городок!» – думал на ходу Степан.

В комнатке опустили чемоданы на пол. Степан протер их тряпкой для ног, взятой с порога.

– Ну что, уезжать надо рано, до открытия базара! – решительно произнес Степан.

– А посмотреть: что там? – предложил Игорь.

– Смотреть будем у тебя дома, в спокойствии. Главное – довести!

Игорь не стал спорить. До рассвета оставалось часа два. Степан уже собирал свой рюкзак. На мгновение он отвлекся и взглянул на молодого напарника.

– Оставь старушке на столе двадцать гривен! Пускай вспомнит нас добрым словом! – сказал он.

Глава 6

Киев встретил путешественников проливным дождем. Небо висело над вокзалом темное и низкое. Степан с рюкзаком на спине и со старым кожаным чемоданом в правой руке почти бегом спешил к электричкам. Игорь, которому кроме своей сумки приходилось нести еще два чемодана, едва поспевал за садовником. Хорошо хоть, что чемоданы были не тяжелыми. Однако эта «не-тяжелость» чемоданов одновременно вызывала сомнение в ценности их содержимого.

А в ирпенских лужах отражалось солнышко. Видимо, дождь здесь прошел раньше.

– Давай машину возьмем! – предложил Степан, оглядываясь по сторонам. Он чувствовал себя тут, в центре Ирпеня, с тремя старомодными большими чемоданами очень неудобно. Уж очень-то они, чемоданы, в глаза бросались.

Игорь тоже заметил на себе удивленные взгляды прохожих.

Перед вокзальчиком стояло пять-шесть машин в ожидании клиентов. Степан с Игорем выбрали старый коричневый «мерседес»-универсал. Вся дорога к дому Игоря заняла не больше пяти минут. Усатый мужик-водитель в камуфляжном охотничьем костюме помог им выгрузить из машины багаж.

Первым делом занесли этот багаж в кирпичный сарай к Степану.

– Ты иди, отдохни чуток! – произнес заботливо садовник. – Через полчаса возвращайся, тогда и поглядим, что там внутри!

Игорь замешкался, оглянулся на Степана, бросил осторожный взгляд на чемоданы, теперь стоявшие на бетонном полу под старой этажеркой. Нехотя вышел.

– Ну, как вы там? – встретила его вопросом мать. – Город посмотрели? Нашли кого-нибудь? Голодный, небось?

– Чаю завари! – попросил Игорь, пропустив вопросы матери мимо ушей.

Но она, видимо, и не ожидала скорых ответов.

Игорь зашел в ванную комнату, умылся. Посмотрел в зеркало на лицо, бледноватое и припухшее от жесткой вагонной подушки. Провел ладонью по небритым колючим щекам. Взгляд сам ушел на полочку под зеркалом, на которой из пластикового стаканчика торчали зубные щетки и одноразовые бритвы.

Игорь побрился, почистил зубы. Теперь он чувствовал себя чуть бодрее, но одновременно все сильнее овладевало им беспокойство. «А что там Степан делает?» – нервно думал он.

– Сынок, чай готов! – окликнула его из кухни мать.

Игорь наполнил чаем и вторую кружку, всыпал в свою ложку сахара, а Степану – две.

– О! Спасибо! – удивился, увидев Игоря с двумя кружками чая в руках, садовник.

Игорь заметил в его руках знакомый гвоздодер. Садовник опустил инструмент на бетонный пол возле ног.

Чай они пили молча, сидя на табуретках и прикрыв двери на улицу. С потолка светила яркая лампа. Игоря разбирало любопытство, он то и дело бросал взгляд на чемоданы.

Наконец Степан снова взял в руки гвоздодер и наклонился над одним из них. В принципе, открыть его можно было и простой отверткой. Всего-то два хлипких замочка, потемневшие от времени, – просто не верилось, что там, за этими двумя замочками, может быть спрятано что-то ценное!

Первый чемодан открылся беззвучно. Внутри – два пакета, перевязанные бечевкой. Плотная коричневая упаковочная бумага. Каждый пакет размером с коробку из-под женских

зимних сапог – мать в таких коробках хранила у себя в шкафу и фотографии, и клубки шерсти, проткнутые спицами.

Степан вытащил первую упаковку, подержал на весу, задумчиво пожевав губы. Перевернул ее и уставился на три большие буквы «ОСС», написанные химическим карандашом.

Степан тяжело вздохнул, но лицо его выражало не усталость, а некое задумчивое умиротворение. Словно он нашел то, что искал всю жизнь.

– Осип Степанович Садовников, – произнес он после паузы, указательным пальцем правой руки поглаживая написанные карандашом инициалы.

И тут же, присев на корточки, он опустил бандероль на пол и стал разворачивать ее. Внутри оказалась толстая бухгалтерская книга большого формата. Степан ухмыльнулся, держа ее в руках и словно не зная, что с ней делать дальше.

– «Книга еды», – прочел он вслух аккуратную рукописную надпись на обложке. Надпись была сделана перьевой ручкой.

Степан опустил книгу на пол. Взял из открытого чемодана вторую бандероль. Спокойное умиротворение исчезло с его лица. Он словно больше не ожидал никаких приятных сюрпризов. Однако во втором пакунке с такими же инициалами обнаружилось до десятка маленьких бумажных сверточков. Открыв один из них, Степан затаил дыхание. А потом на глазах у изумленного Игоря высыпал себе на ладонь прозрачные ограненные кристаллы.

– Бриллианты? – шепотом спросил Игорь.

Степан оторвал взгляд от своей ладони, глянул на спросившего.

– А бог его знает, – сказал, ссыпал камешки обратно в бумажный сверточек и, развернув следующий сверток, просто заглянул внутрь. – Это только специалист скажет...

Игорь вспомнил о своих деньгах, на которые до поездки в Очаков собирался купить мотоцикл. Конечно, не так уж много он и потратил на эту поездку, но ведь без его денег никуда бы они не добрались!

Степан тем временем сложил все содержимое обратно в чемодан, прикрыл его и отодвинул в угол. А сам умело гвоздодером открыл второй.

Во втором чемодане лежало несколько обшитых белой тканью посылок, тоже подписанных химическим карандашом. Инициалы везде были разные, но почерк – один.

– Это уже не отца?! – осторожно высказался Игорь.

– Какая разница? – Степан усмехнулся немного напряженно. – У моего отца был сын, а у этих, наверное, не было...

Он разорвал одну посылочку по шву, вытащил на свет картонную коробочку. Потряс ее в руке, но внутри ничего не зазвенело. Открыл – там, завернутые в носовые платки, лежали пять старинных золотых карманных часов с цепочками.

– Выбирай! – Степан перевел хитроватый, но уже расслабленный взгляд на Игоря.

Игорь замер, не понимая, шутит ли садовник или серьезно предлагает ему выбрать часы.

– Вон эти бери, – ткнул пальцем Степан на самые крупные из них.

Игорь взял их в руки, открыл крышечку, защищавшую циферблат. Часы действительно были удивительно красивыми. Он покрутил маленькую ребристую «пуговку» заводки и поднес часы к уху. Часы молчали.

– Не ходят, – грустно произнес Игорь.

– Починишь в мастерской, – Степан бросил быстрый взгляд на часы в руке парня.

Игорь опустил часы в карман брюк.

– Что там еще? – Степан принялся за вторую посылочку.

Игорь теперь внимательно наблюдал за Степаном, смотрел, как он из одной посылочки вытаскивает золотые николаевские червонцы, из другой – перстни с камнями, золотые браслеты с изумрудами.

Наконец содержимое второго чемодана было полностью изучено и тоже возвращено на место.

Глаза Степана теперь, когда он открывал третий чемодан, горели азартом.

Игорь вдруг ощутил душевную тяжесть. Ему показалось, что Степан искоса и не очень дружелюбно поглядывает на него. Было понятно, что нашли они в Очакове настоящие ценности, которые дорогого стоят, за которые и убить могут. А может, и убили за них кого-нибудь, да и не одного. Иметь много золота или просто находиться около него – смертельно опасно в любые времена, хоть в пятьдесят седьмом году, хоть в две тысячи десятом. А тут еще ноги заболели – всё-таки неудобно так долго сидеть на корточках. Игорь поднялся. Снова присел на табуретку и уже сверху продолжил наблюдать за Степаном.

А Степан легко открыл последний привезенный из Очакова чемодан и озадаченно смотрел внутрь, на аккуратно сложенную старую милицейскую форму. Там же лежали и кожаные сапоги, и ремень с пряжкой, и фуражка.

Степан пошарил руками по дну чемодана, не вытаскивая милицейскую форму. Вдруг на его лице снова застыла недобрая улыбка, и он замер. Губы напряжены, а руки, спрятавшиеся в чемодане, не видно. Такое лицо бывает у ребят, которые на ощупь раков ловят на речных отмелях.

Наконец вытащил Степан из чемодана руку, а в ней пистолет в кобуре. Потом оттуда же извлек две пачки огромных по сравнению с гривнами советских денежных купюр.

– Вот те на! – разочарованно выдохнул он, бросил обе пачки назад в чемодан поверх формы, рядом осторожно опустил кобур с оружием. – Это можешь себе забирать! На память об Очакове!

Игорь вопросительно посмотрел на садовника. «Неужели он хочет от меня только этой формой и часами откупиться?» – подумал. И тут же задумался о часах – ведь стоили они наверняка больше, чем он потратил на их со Степаном поездку. Но они же действительно нашли клад. И если пусть даже поделят они его не пополам, а так, как отшучивался Степан, то есть если получит Игорь треть найденного, это всё равно будут огромные деньги! Игорь напряженно улыбнулся, почувствовал, как в его теле поднимается азартная бодрость.

А на лице садовника отражалась постоянная смена настроения и мысли. Полуулыбка растянутых, словно от боли, тонких губ отдавала горечью.

– Я пойду, отдохну! – прошептал Игорь.

– Бери, бери чемоданчик! Замки я потом вправлю, это не проблема!

Игорь молча взял чемодан с милицейской формой и кобурой и вышел во двор.

Мать, увидев чемодан, удивилась, всплеснула руками.

– У нас дома таких два было лет пятьдесят назад! Ты его что, на барахолке купил?

– Нет, подарили, – кратко ответил Игорь и прошмыгнул в свою комнату.

Ранний осенний вечер наступил в этот день неожиданно быстро. Вроде бы и приехали они со Степаном утром, и с чемоданами и их содержимым возились недолго, а вот уже и сумерки, и усталость в руках, и зевать хочется.

Сделал себе бутерброд. Съел его и, не дожидаясь ужина, с которым уже возилась мать, прилег на кровать. Встать уже не получилось, повалила его усталость, провалила она его в то состояние, которое глубже обычного сна и в котором никакие сны – ни цветные, ни черные – не снятся.

Елена Андреевна, наварив картошки и потушив говядину с овощами, заглянула в комнату к сыну, чтобы позвать к столу, но будить его не решилась. Увидела на тумбочке золотые

карманные часы с цепочкой, лежавшие на носовом платочке, взяла в руки, рассмотрела их с тревожным любопытством в глазах. Вдохнула.

Садиться ужинать одной ей не хотелось, и она решила позвать Степана. Обулась и вышла во двор. Стукнула пару раз по двери в сарай, да и открыла ее. И тут же встретилась с испуганным взглядом Степана, который, видимо, только что с кровати поднялся, чтобы двери открыть.

– Я тут ужин наварила, а Игорь заснул... Может, хоть вы мне компанию составите? – спросила, заглядывая в глаза садовнику.

– Я? – смутился он, словно отвлекаясь неохотно от каких-то своих важных мыслей. – Я могу, конечно. Спасибо. Только закрыть бы... – Он оглянулся по сторонам, остановив взгляд на этажерке, где и инструменты лежали, и его вещи.

Взял с этажерки навесной замок, накинул куртку.

Елена Андреевна с интересом пронаблюдала, как он старательно дверь на замок закрывает – раньше-то всегда открытой оставлял.

– Ну как, нашли родственников? – спросила она, ставя перед Степаном на стол тарелку с картошкой и тушеным мясом.

– Пока нет, – он мотнул головой. – Но нашли тех, кто их помнит... Тоже неплохо. Да и вещи кое-какие отыскали... Моего отца вещи...

– Ишь ты! – удивилась Елена Андреевна. – Это ж кто-то столько лет их хранил!

– Хранили, хранили, – закивал Степан, думая, как бы тему разговора поменять. – А тут как? Что нового?

– Да что тут нового за пару дней? – пожала плечами хозяйка дома. – Всё по-старому. Ну, киоск возле автостанции ограбили ночью, и, вроде, драка возле таможенной академии была, а больше ничего... Игорь вот заснул... Может, разбудить его?

– Не надо, – махнул рукой Степан. – Пускай отоспится с дороги! Он, кстати, давно не работает?

– Давно, – кивнула хозяйка.

– А что так? Работы нет?

– Да он ее и не ищет, – вздохнула Елена Андреевна. – У него в детстве тяжелая травма была. Пять лет ему было. Отправила его с мужем в парк на аттракционы. Муж кого-то из знакомых встретил, отвлекся, а Игорь к карусели пошел. Карусель только останавливалась и его железным сиденьем по голове ударила. Закрытая черепномозговая травма. Потом в больнице два месяца. Я от него не отходила. Врач говорил, что нормальным он уже не будет... Мы готовились к худшему, а оно ничего. Только головные боли. Повезло. Я над ними все годы, как над травинкой, дышала. Потом, после школы, отправляла его работу искать. Один раз он сказал, что нашел. Стал по утрам уходить. На мебельную фабрику. Тут, в Ирпене. Даже улицу назвал. Рассказывал о работе, о друзьях, даже табуретки оттуда принес – сказал, что даром получил, что они чуть бракованные. Да вот, мы на них и сидим сейчас! – опустила Елена Андреевна взгляд вниз. – Месяца через три надо было мне его срочно найти посреди дня. Пошла я на ту улицу, а там никакой мебельной фабрики. Думала скандал устроить, потом хотела к врачу его отвезти, к психиатру... В общем, сказала ему, что не нашла я его фабрику. Он и перестал сразу на работу ходить... Ну, так вот... Деньги у нас на жизнь пока есть, я пенсию получаю...

Хозяйка замолчала. Опустила взгляд. Теперь уже и Степан почувствовал некоторое неудобство, ведь к смене настроения хозяйки привело именно его любопытство. Однако Елена Андреевна долго не грустила. Посмотрела на садовника, и снова в ее взгляде присутствовала бодрость.

– А город красивый? – спросила она, облизав пересохшие губы.

– Очаков?! Да нет, обычный... серый. Там, наверно, летом красиво. А сейчас – нет.

Елена Андреевна предложила Степану стопочку водки, но тот вежливо отказался.

– Знаете, Андреевна, я сегодня вечером уеду на пару дней... – заговорил он после паузы. – Вы не волнуйтесь! Надо мне знакомых тут недалеко под Киевом провести. А как вернусь, я у вас и в саду, и в огороде порядок наведу! Пора уже к зиме готовиться!

– Пора, пора, – поддакнула хозяйка.

Показалось Елене Андреевне, что беспокоится Степан о чем-то. И ел он как бы нервно, не замечая вкуса еды. А вкус у ужина хороший был – сама хозяйка радовалась, каким мягким и ароматным мясо с овощами получилось. Только вот садовник ужин не похвалил!

Ну, не похвалить – не похвалил, а доел все до последней капли и даже хлебным мякишем оставшийся от мяса соус вымокал.

Игорь проснулся около трех ночи. Включил свет в комнате, посидел, задумавшись, на кровати, а потом решил во двор выйти.

Подошел к сараю и увидел к своему изумлению на дверях навесной замок.

– Неужели умотал со всеми ценностями? – подумал.

Попытался вспомнить, где у них запасные ключи от всех замков лежат, да так и не вспомнил. Мать наверняка знает, но не будить же ее посреди ночи!

Настроение у Игоря испортилось. Вернулся он в дом, снова улегся на кровать, но заснуть до утра так и не смог.

Глава 7

Игорю не спалось. Законная тишина казалась ему тревожной. Он и впрямь прислушивался, надеясь услышать со двора шаги вернувшегося Степана. Но не доносилось со двора ни шагов, ни других звуков.

Игорь поднялся, на цыпочках вышел в гостиную. В доме тоже было удивительно тихо. Мать спала, мыши в доме шурудели только зимой, когда перебирались из-за мороза под пол. До морозов еще далековато, месяца два.

В баре буфета уже давненько хранилась бутылка настойки на грецких орехах. Именно о ней в конце концов подумал Игорь, открывая верхнюю дверцу буфета. В полумраке бутылка с настойкой словно подмигнула Игорю особым, матовым блеском. Он вытащил ее аккуратно, прихватил оттуда же маленькую стопочку, отошел к столу. Уселся на стул, к деревянному сиденью которого была привязана двумя ленточками вязанная из лоскутков подушечка. Наполнил рюмку и задумался. Вспомнил их со Степаном ночное «кладоискательство» в Очакове, простукивание стенок, вытаскивание чемоданов. Как ни крути, а закон они тогда явно нарушили! Хотя кто сейчас законы не нарушает?! Может, только его мама! Впрочем, он сам до поездки в Очаков ничего противозаконного не делал. Просто желания не возникало. И тогда, в Очакове, что-то останавливало его ночью. А Степан, кажется, даже на секунду не задумался, никакого сомнения у него не возникло. Скорее, наоборот – с самого начала он был готов ко всему. Не зря ведь сначала повел он Игоря в «Хозтовары», где за его, Игоря, деньги купили они ломик-гвоздодер. И как умело он им управлялся, вскрывая двери и взламывая замки и замочки. Он ведь говорил, что отец его сидел... Может, и сам он сидел? Сидел, а когда вышел, дочь его домой не пустила! Вот и пошел скитаться!

Игорь пригубил настойку. Крепкая она, крепкая и сладковато-горькая. Ударила по языку приятной тяжестью, и сразу мысли переключились. Точнее, отключились. Замер Игорь. Погладил вдруг ладонью по своим голым ляжкам – и ногами ощутил холод ладони. «Может, одеться?» – подумал. Да так и не ответил на эту мысль. Неспешно допил рюмку, поставил бутылку обратно в буфет и так же на цыпочках вернулся в свою комнату.

Утром его разбудил негромкий упрек матери.

– Ты что, уже по ночам водку пьешь? – спросила она, заглянув в его комнату. – Вон со Степана бери пример! Совсем не пьет мужик!

– Так он уже свое выпил! – спросонок ответил Игорь и, открыв глаза, глянул на часы – половина восьмого. – А что, Степан пришел?

– Не видела! Хочешь завтракать – поднимайся! Вон, люди уже на работу идут! – показала она взглядом на окно.

Игорь вздохнул. «Снова сейчас о работе заговорит!» – подумал.

– А чего нам не хватает? – спросил Игорь, поднимаясь с кровати.

– А если б не было у меня пенсии? – голос матери прозвучал громче обычного.

– А что твоя пенсия?! Полторы тысячи! А процентов каждый месяц я в банке триста долларов получаю! Разве мало?

– Это тунеядство, – мать заговорила тише, боясь, что очередной спор о важности работы закончится обычным скандалом и двумя днями взаимного игнорирования. – За это в советское время в тюрьму сажали!

– Вот поэтому Союз и развалился! – парировал Игорь, тоже сбавляя свои обороты. – Ну, разве нам не хватает? Пока хватает! А появится интересная работа – обязательно пойду!

Жили они действительно на банковские проценты от размещенной на депозите немалой разницы между ценами проданной киевской и купленной ирпенской недвижимости. Аккуратно раз в месяц заезжал Игорь в банк, снимал деньги. Привезя домой, клал на стол

перед матерью и только потом забирал половину себе, а половину оставлял маме. Он уже так привык к этому существованию, что именно поездки в киевский банк и считал своей основной работой.

Быстро успокоившись, насыпала Елена Андреевна сыну в тарелку горячей гречневой каши, опустила сверху кусочек масла, и он сразу потек, просочился вниз.

Игорь ел кашу не спеша, большой ложкой. Ел и в окно посматривал.

– Я поузнаю, – пообещал он вдруг, виновато глянув на мать. – Может, и тут какая-нибудь работа появилась... Мне и самому скучно без дела сидеть.

Елена Андреевна кивнула.

– Дорожает ведь всё! – сказала. – Вон сыр уже по 60 гривен за кило! А пенсию мне не поднимают, и проценты наши больше не стали...

Игорь посчитал лишним поддерживать этот грустный разговор. Доел кашу, налил себе чаю. Задумался: а чем бы занять себя? Но мысли сами перестроились на Степана, точнее – на его отсутствие. Потом вспомнил о старинном чемодане с милицейской формой и пачками советских рублей. О пистолете в кобуре. Хороший подарочек от Степана! Хотя в Киеве, на Андреевском спуске, такую форму можно туристам за хорошие деньги продать! Может, отвезти?!

Игорь вздохнул. Вернулся в комнату, раскрыл чемодан и вытащил милицейскую форму. Прощупал карманы и достал из одного удостоверение лейтенанта милиции Зотова И. И.

– Что, тоже Игорь? – усмехнулся парень, разглядывая маленькую черно-белую фотографию. Парню, изображенному на ней, было лет двадцать пять, не больше!

Две пачки советских сторублевок, приподнятые на ладони, оказались увесистыми. Игорь задумался. Что он знал о времени, когда ходили по стране, не существующей больше, эти деньги, за которые уже давно ничего не купишь? Практически ничего. Нет, конечно, родился он еще тогда, во время последней советской «пятилетки», как любила говорить его мама.

– Причем здесь «пятилетка» и вообще, что это такое? – Игорь скривил губы. – Школа была десятилеткой, это точно! А вот «пятилетка»?!

Он пожал плечами, бросил «бывшие» деньги обратно в чемодан.

– Ты сегодня в магазин сходишь? – донесся из гостиной мамин голос.

– Да, я как раз собирался выйти! – ответил Игорь.

Аккуратно опустил в чемодан милицейскую форму, сверху положил удостоверение И. И. Зотова. Закрыв и засунул под кровать.

За окном накрапывал мелкий дождик. Игорь шел под зонтиком.

В голове, непонятно почему, крутилась старенькая песня из новогоднего кинофильма про пять минут. «К чему бы это?» – задумался Игорь, подходя к первому по дороге киоску.

Купил пачку сигарет, закурил. И тут же около него появился паренек без зонтика, с мокрыми, прилипнувшими ко лбу волосами, в брезентовой куртке и в кирзовых сапогах.

– Дядь, дайте закурить!

Игорь протянул ему открытую пачку, глядя на парня с иронией во взгляде.

– Ты хоть ее ладонью накрой, а то дождь потушит! – сказал он.

– А я тут, под козырьком выкурю, – спокойно ответил парень, подкурил сигарету у Игоря и действительно устроился под козырьком киоска слева от окошечка.

– Сапоги-то где купил? – шутливо спросил Игорь. – Сейчас такие не делают!

– В сарае у бати нашел, армейские! – совершенно серьезно ответил парень, не обратив внимания на иронию в голосе Игоря.

– Ну, носи на здоровье! Раньше сапоги делать умели! Не то что сейчас! – И он посмотрел на свои румынские, которые уже два раза к сапожнику в ремонт носил.

– Да они великоваты чуть, – пожаловался парень. – У бати был сорок третий размер, а у меня сорок первый с половиной... Можно еще одну?

Игорь сам вытащил из пачки сигарету и протянул парню, после чего, не прощаясь, продолжил свой путь. Дошел до автостанции, там покрутил головой – всё-таки отсюда открывался более серьезный выбор улиц и направлений. Подошел к доске объявлений. Пробежал глазами приклеенные к стенке рукописные и отпечатанные строки. Всё было про «продам» и «куплю».

– А может, в милицию пойти? Милицейский пистолет у меня уже есть! – сыронизировал над собой Игорь и тут же усмехнулся. И про форму снова вспомнил.

Вздыхнул. Задумался. После сигареты захотелось кофе. Сигарета была настоящей, а вот настоящего кофе тут не найти – только растворимый. Ну да ладно, махнул он рукой. Зашел в магазинчик, взял себе «три в одном» и выпил, не выходя под дождь, рядом с прилавком, за стеклом которого лежали несколько видов колбас и копченая курица. Вспомнил тут Игорь просьбу матери продуктов купить. Проверил содержимое карманов – на бедность жаловаться повода не было. Купил свежий батон, полкило «докторской», масло, шпроты и, не удержавшись в порыве покупательского азарта, устремил свой взгляд на молоденькую продавщицу, произнес твердым, уверенным голосом: «И бутылочку «Коктебеля»! Нет, не эту, пять звездочек!»

Уже выйдя под дождь с увесистым пакетом в руке, Игорь мысленно посмеялся над собой, над этой позой «богатого прожигателя жизни», которую он так явно в себе ощутил, покупая коньяк.

Настроение поднялось. Он шел домой, размышляя над только что сделанным открытием: он вдруг понял, что коньяк чаще пьет или хочет пить при дождливой погоде.

А время приближалось к обеденному, и в желудке заиграла щекотливая мелодия голода.

Мама от рюмки коньяка тоже не отказалась. Они обедали вдвоем, сидя друг напротив друга на кухне, возле заплаканного дождем окна. Правда, Игорь себе налил уже третью рюмку, а Елена Андреевна только первую пригубила.

– Странно, что Степана нет, – снова вспомнил о садовнике Игорь.

– Взрослый человек, – пожал плечами мама. – Он же у нас не прописан! Пришел – ушел, сам себе хозяин!

– Он нигде не прописан, – закивал Игорь. – Таких людей обычно милиция разыскивает...

– Типун тебе на язык! Всякое в жизни бывает! Не дай бог тебе в его ситуации оказаться! И вообще, видно ведь, что он человек честный и основательный, он, когда говорит, всякое слово взвешивает перед тем, как сказать. Не то что ты!

Игорь промолчал. Бросил косой взгляд на весы, стоящие на подоконнике. Налил себе четвертую рюмку и продолжил думать о садовнике.

Ближе к вечеру зазвонил мобильный.

– Привет! – раздался жизнерадостный, как обычно, голос Коляна. – Что делаешь?

– Да так, дома сижу.

– А что, ко мне на день рождения не собираешься?

– А разве сегодня?

– Ну да! Поэтому и звоню! Приходи в клуб «Петрович» через пару часиков! Помнишь? Там, где ретропарти! У тебя есть пионерский галстук или что-то вроде этого? У них там вечный Советский Союз. Хозяин, наверно, из бывших комсомольцев...

Игорь бросил взгляд на мокрое окно. Выходить на улицу, а тем более ехать в Киев, ему никак не хотелось, но и сказать об этом имениннику было нельзя – обидится! Придумывать повод, что-нибудь вроде простуды или поноса, было уже поздно. Об этом говорят в начале разговора.

– Ладно, что-нибудь придумаю, я тут уже твой день рождения начал коньяком отмечать, – выдохнул Игорь. – А подарок какой хочешь?

– Подарок?! Да ты знаешь, я – человек не богатый, всему буду рад! Кроме цветов! Цветы терпеть не могу! Это увядшие деньги! Так что лучше деньгами!

– А рублями возьмешь?

– А мне всё равно, что рубли, что доллары!

Игорь усмехнулся, вспомнив о двух пачках старых советских рублей в чемодане.

– Добро! Тогда пачку рублей получишь! Пока!

Глава 8

В голове у Игоря негромко шумел коньяк. Он стоял над своей кроватью и рассматривал разложенную поверх покрывала милицескую форму.

Кожаные сапоги, блестящие, великолепно держащие свою «бутылочную» форму, стояли на полу. Рядом с ними на тумбочке – оклеенные банковской ленточкой две пачки советских сторублевков.

«Можно было бы взять с собой, а там, в туалете, переодеться, – подумал Игорь, вздохнул, потом махнул рукой. – Да ну его! Надену поверх гимнастерки куртку, на улице и так темно! Кто там будет присматриваться!»

Влез ногами в сапоги – милицеская обувь оказалась как минимум на размер больше. Игорь достал толстые шерстяные носки, натянул поверх тонких и снова сапоги примерил. Теперь ногам было комфортнее.

«Ну что, – решительно кивнул он. – Сегодня вечером я буду ретроментом! И платить за все буду ретроденьгами!»

Надел Игорь галифе, гимнастерку. Ремнем затянулся, оставив кобуру с пистолетом на кровати, к зеркалу подошел. На лице улыбка появилась – понравился он себе в этой форме.

– Класс! – вырвалось у Игоря. – Девчонок в жар бросит!

На мгновение задумался. Вытащил пистолет из кобуры, покрутил его в руках. Несмотря на коньячный шум в голове, здравая мысль предупредила его: с оружием не шутят!

Засунул он пистолет под матрас, закрыл пустую кобуру. Взял со стола золотые часы, сунул в левый карман галифе. Похвастается перед именинником, если выпадет хороший случай. Выглянул в окно. Дожда не было. Вышел в коридор тихо, стараясь не шуметь. Мать смотрела в гостиной телевизор.

Надел куртку, еще разок осмотрел себя и остался доволен. Сапоги особенно в глаза не бросались, да ведь пригородный люд одевается как угодно. Вот и он сегодня парня в кирзовых сапогах встретил и не удивился!

Глядя себе под ноги, обходя лужи, вышел из калитки и повернул в сторону автостанции. По дороге пощупал ладонями карманы галифе – обе пачки рублей приятно топорщились. Вот, если бы это были гривны, а еще лучше – баксы! Показалось ему, что вечер вокруг темнее обычного. Глянул на небо – темное, тяжелое. Ну да ничего, подумал, зато в «Петровиче» будет весело. Главное – не задержаться там и на последнюю электричку успеть. На маршрутки в поздний час рассчитывать не стоит!

А темнота словно окутала Игоря на несколько мгновений, непроницаемая темнота. То ли в глазах отчего-то потемнело, и успел в это «темное» мгновение Игорь вспомнить, что его родной дядя от поддельного коньяка умер. Сначала он ослеп, кричал: «Я ничего не вижу!», потом затих, прилег на диван и умер. Это ему рассказывали, сам-то он, конечно, там, у дяди дома, в тот момент не был. Но с тех пор долго к каждой открытой бутылке коньяка принюхивался.

А ноги ощущали твердую почву, тот же, вроде, тротуар. Поэтому не останавливался Игорь, хоть и испугался чуток. Шел дальше. И вдруг отпустила его темнота – увидел он впереди несколько огней. Оглянулся, чтобы понять: это у него что-то с глазами не в порядке – или... Или на улице свет погас? Такое ведь часто бывает. Сидишь вечером дома, телевизор смотришь, и вдруг – бац! И полная темнота. Иногда на пять минут, а иногда на несколько часов!

А позади темно и ничего не видно, только впереди огоньки. «Выбило электричество!» – кивнул сам себе Игорь и зашагал дальше.

Порадовался вдруг, переключив свои мысли на сапоги – как легко в них шагалось! Словно их по ноге сапожник смастерил! А ведь они на размер-полтора больше! Радость вдруг сменилась подозрением. Остановился он, опустил взгляд на сапоги, но их практически и не увидел. Хмыкнул удивленно и ускорил шаг, чтобы быстрее к огонькам подойти.

«А ведь уже и автостанция должна была быть, а она ярко освещена! И киоски возле нее, и пивная!» – Игорь всматривался вперед, и беспокойство нарастало в его мыслях – не совпадали эти странные огоньки с тем, что он ожидал увидеть.

То ли от мыслей, то ли от странного ощущения физического дискомфорта стало ему жарко. На лбу холодный пот выступил. Он снял куртку, нервно забросил ее за плечо, ухватившись пальцем за петельку для вешалки.

– Эй, лейтенантик! Куда спешишь? – услышал рядом женский голос. – Время точное не подскажешь?

Остановился Игорь, оглянулся. Темно.

– Нет, – сказал опасливо, все еще всматриваясь в темноту. – Часы есть, да они сломались. Не ходят.

– Твое счастье, – в женском голосе пронеслась нота скрытой угрозы.

– Манька, дура! Ты что не видишь – это мент, а не солдат! – раздался рядом мужской шепот. – Пошли отсюда! Быстро!

И услышал Игорь спешащие, удаляющиеся шаги. Перепугался. Рванул что было сил к огонькам. Наконец приблизились они. Остановился он перед хорошо освещенными воротами, за которыми серые производственные здания стояли. Справа от ворот табличку увидел.

«Очаковский винзавод», – прочитал он и оглянулся по сторонам.

Что-то зашевелилось у него в левом кармане. Неприятное ощущение испугало. Он сунул туда руку, и в его ладони застучал часовой механизм – сердце золотых часов забилося. Удивленный Игорь вытащил часы, поднес к уху, услышал громкое тикание.

«Что за чертовщина, – подумал. – Часы пошли... И откуда здесь «Очаковский винзавод», нет у нас в Ирпене такого... Или, может, какой-то филиал построили... Время-то бурное, каждый день что-то новое строят, что-то старое сносят...»

Из-за забора вдруг донеслась знакомая мелодия, после которой мужской голос сказал: «В Москве полночь. Передаем сигналы точного времени...»

Игорь тряхнул головой, зажмурился. Открыл защищающую циферблат круглую золотую пластину с гравировкой. Обе стрелки дружно указывали вверх, на размашистое «двенадцать».

В этот момент что-то грюкнуло. За воротами слышались шаги. Игорь быстро отбежал в сторону. Увидел, как из ворот выехал малыш-грузовик с крытым кузовом – старая модель, такие он только по телевизору в фильмах про старые времена видел. Выехал, крутанулся на площадке, свернул направо и поехал себе не спеша дальше, прочь от Игоря, освещая фарами дорогу. Ворота снова закрылись. И никаких больше шумов и звуков.

Оглянулся Игорь по сторонам. Машина уже в темноте скрылась, и единственным освещенным местом оставались ворота с видневшейся за ними крышей будки дежурного и серыми заводскими стенами.

«Может, постучать да у сторожа спросить: куда это я зашел?» – подумалось Игорю.

Он не успел ответить на собственную мысль, как половинка ворот приоткрылась. Напряженный шепот долетел до ушей Игоря, а потом выглянула из-за ворот голова. Выглянула и замерла, словно прислушиваясь.

– Ну, давай, иди уже! – долетел до отошедшего снова в темень Игоря мужской голос погромче.

Парень с каким-то странным, тяжелым мешком, переброшенным через плечо, вышел, оглянулся, махнул рукой сторожу и сделал несколько неуклюжих шагов от ворот, после чего

остановился и поправил мешок. Ворота за ним снова закрылись. Звякнуло железо – видно, сторож задвинул основательный по своей тяжести засов.

Игорь вышел из темноты, бодрым шагом направился к парню, чтобы узнать у него дорогу к автостанции.

Парень, увидев бодро шагающего в его сторону милиционера, сбросил мешок под ноги и замер. Мешок упал почти беззвучно, но при этом заколыхался, как живой, уже лежа на земле.

– Я это... первый раз... – заговорил сбивчиво от перепуга парень. – Вы меня не того, умоляю! Мама узнает – умрет, у нее сердце слабое... Отец был фронтовик, калекой вернулся... Умер год назад...

– Что несешь? – удивился Игорь.

Непонятный испуг парня поставил Игоря сразу как бы хозяином над ситуацией.

– Вино, – захныкал парень обреченно и опустил взгляд на мешок.

– Ты мне скажи: до автостанции далеко?

Парень затих и подозрительно посмотрел уже остановившемуся перед ним человеку в милицейской форме в глаза, не совсем понимая, о чем тот спрашивает.

– Ну... минут двадцать пешком... – проговорил он чуть более уверенно.

– А это че? – Игорь пнул носком сапога мешок, который легко поддался сапогу и тут же выровнял свою странную форму, как только подошва сапога снова коснулась бетона площадки.

– Я ж сказал, вино это... первый раз. Ркацители... Один мех взял за все время... Не арестовывайте...

Игорь вдруг понял причину испуга парня – и причину, и его вину. «Вор! – усмехнулся мысленно Игорь. – А тут еще я в старой ментовской форме, а вокруг темно...»

Парень, заметив ухмылку на лице Игоря, напрягся.

– Я сейчас, я назад отнесу! – показал он взглядом на мешок.

– погоди, поговорим! – Игорь попробовал спародировать интонации винного воришки – показалось, что он говорит как-то странно, не по-местному. – Ты сам откуда?

– Отсюда, из Очакова... Мать на базаре торгует, я тут, на винзаводе, работаю...

– Отсюда? Из Очакова? – повторил озадаченный Игорь. – Что-то мне это не нравится...

– Что не нравится?! – осторожно спросил парень.

– Всё не нравится. – Игорь оглянулся по сторонам. – Темно тут у вас... А тебе сколько лет?

– Двадцать один... Самохин Иван меня зовут, а по отцу Васильевич...

– И когда же ты родился, Самохин Иван Васильевич? – Игорь заговорил медленнее, четко произнося каждое слово, и тут же показалось ему, что и сам он заговорил как-то не так, с другими, что ли, интонациями.

– В тридцать шестом... Седьмого мая... Чуть-чуть не повезло, а то был бы день рождения в День победы...

Игорь задумался. Тридцать шестой год плюс двадцать один год жизни – всё это складывалось в 1957-й. Бред! Игорь поднял взгляд на винного воришку. Потом снова опустил глаза на мех с вином.

– Что ли, пьешь так много? – спросил.

– Нет, что вы! Я и спортом занимался, за район бегал... Это на рынок, чтоб продать! – сказал парень и тут же осекся, сам себя в правый висок кулаком ударил. Пожалел, что выдал себя с потрохами.

– Вот как, – закивал головой Игорь.

– Это ж мне сколько теперь дадут? – парень перешел на шепот. – Лет десять тюрьмы? Или больше?

– А скажи, какое сегодня число? – спросил Игорь, пропустив вопрос винного воришки мимо ушей.

– Третье октября.

– Ну, пошли, – сказал задумчиво Игорь и показал пальцем на меха с вином. – Бери и пошли!

Самохин поднял мех с вином, забросил на плечо. Оглянулся на милиционера.

– Куда? – спросил голосом обреченного.

– Пока к автостанции! – Игорь жестом руки приказал, чтобы парень, словно действительный арестованный, шагнул впереди.

Ваня Самохин шел медленно. Неудобная и тяжелая была у него ноша. Одно дело, кабы своя. Но ведь теперь и не своя! Хотелось ему остановиться, оглянуться, еще разок этого лейтенанта слезно попросить отпустить его, Ваню, на все четыре стороны, а на память об этой доброте мех с вином себе забрать! Только, видно, правильный этот лейтенант! Ничто ни в его взгляде, ни в голосе не подсказывало, что с ним можно было бы договориться.

Минут пять они уже шли по темноте. Только дорога булыжниковая стучалась в подошвы сапог. Самохин остановился.

– Ты чего? – ударил его в спину голос милиционера.

– Устал.

– А далеко еще?

– Минут десять...

– Ну, отдохни, – как-то легко, совсем по-человечески произнес Игорь, и тут же у Вани Самохина надежда возникла. Это была первая фраза, произнесенная милиционером так, будто на нем не было формы.

Аккуратно опустил Ваня мех с вином под ноги. Отдышался.

– А закурить можно? – спросил.

– Закури! – ответил Игорь.

– Да вот нечего, – признался Ваня Самохин.

Игорь достал пачку сигарет, открыл, протянул.

– Эт не наши, – удивленно вырвалось у парня. – Да и вы, вроде, не из местных?

– Нет, – Игорь отрицательно мотнул головой.

– А откуда ж?

– Из Киева.

– Из столицы! – снова в голос парня вернулся страх. – Это что ж, специально? На винзавод?

– А что, так там плохи дела? – Игорь скривил губы в полуулыбке. – Разокрали всё? Да?

– Нет... ну, по-мелкому, может... Но начальство честное...

– Нет, не на винзавод, – решил Игорь подыграть в разговоре. – По другому поводу.

– По другому? – задумчиво повторил, уже затягиваясь, Ваня Самохин. – По бандитам?

– Ага, – кивнул Игорь, глядя парню прямо в глаза.

– Да, теперь их много тут. Может, из-за Чагина, што ли?

Игорь вздрогнул, услышав знакомую фамилию, и парень тоже вздрогнул, словно испугался такой реакции милиционера. Неужели, подумал Самохин, так все теперь Фиму Чагина боятся, что даже столичные милиционеры от одного его имени вздрагивают!

– А что, ты его знаешь? – спросил Игорь.

– Все его знают... Ну... я видел его... А так нет, не знаком... Что мне с ним? Я – честный...

Игорь засмеялся. Негромко, но заливисто. Задрожал от смеха, показывая Самохину рукой на мех с вином.

– Но я ж не граблю... не убиваю, – плаксивым голосом произнес Самохин. – Один раз взял чужое...

– Что-то я тебе не верю, – голос Игоря вновь «оделся» в милицейскую форму и даже показался самому Игорю чуть чужим, холодным. – Мама на базаре торгует... Ты вино с винзавода тащишь... А чем мать торгует?

Ваня Самохин словно словом поперхнулся, заикался вдруг, выронив сигарету изо рта. Она упала, искорки по дороге разбросав. Ваня за ней нагнулся, поднял, икая, пальцами у мундштучной части обтер и засунул обратно в рот.

– Вином торгует? – снова спросил Игорь и усмехнулся.

– Ну, вином, – наклонил голову парень. – Своим, мы ж делаем, у нас винограда весь двор...

– Своим и краденым, – спокойно проговорил Игорь.

Проговорил и заметил, что взгляд парня забежал по сторонам, заметушился. Словно решил Ваня Самохин деру дать.

– Бери вино! – приказал ему Игорь.

И исчезло метушение во взгляде Вани Самохина. Поднял он, тяжело вздохнув, мех с вином. Устроил его себе на плечо. Оглянулся.

– Знаешь, – сказал ему Игорь. – Не буду я тебя сажать.

Рот у парня сам раскрылся, и снова недокурочек выпал из него под ноги. Только не стал уже Ваня за ним нагибаться. Только глазами впился в Игоря.

– Ты мне расписочку дашь и помогать будешь. Советами. По рукам?

Ваня медлил с ответом. Губы сухие жевал.

– Ты же честный? Ты так сказал? А честные милиции помогают!

Ваня закивал.

– Я тут с особым заданием, – продолжил Игорь, увлекшись игрой. – Меня твоё вино, – он кивнул на мех, – не интересует. Заберешь домой, маме отдашь...

– А что вас интересует, товарищ лейтенант? – осторожно, но немного заискивающе спросил Ваня Самохин.

– Чагин. И его окружение... Даже больше его окружение, чем он сам...

Ваня закивал.

– Чем смогу...

– Вот и хорошо. А переночевать у тебя можно?

– Так вы ж до автостанции хотели?

– А разве ночью автобусы ходят? – спросил Игорь, едва заметно улыбаясь.

– Нет, – растерянно ответил Ваня.

– Ну, вот видишь, зачем мне автостанция? Можно у тебя переночевать?

– Да, конечно! Тогда...

И, не договорив, зашагал Ваня бодрее, и уже не так заметно сгибалась его спина под краденой «жидкой» ношей. Игорь словно подсознательно держал безопасную дистанцию – отставал на два-три шага. Незаметно они вошли в спящий город. По бокам появились заборы, за которыми черным по серому виднелись очертания частных домов. Очаков спал. Где-то далеко проблескивали огоньки, но в окнах домов света не было. Минут через пятнадцать зашли в заросший виноградом двор. Ваня отнес мех с вином в сарай, а потом осторожно открыл двери и впустил Игоря внутрь.

– Вот тут, на диване можно, – сказал он, показывая в полумраке на старый, не раскладывающийся диван с высокой спинкой, в которую и зеркало было вставлено, и полочки для всяких мелочей.

– Я только не знаю, где простыни...

– Не надо, одеяло важнее, – прошептал Игорь. – А родители где спят?

Ваня молча показал на двустворчатые деревянные двери.

– Мать там, налево, а я – прямо.

Сходил куда-то и вернулся с ватным одеялом.

– Мне тоже можно спать? – спросил шепотом. – Расписку я утром напишу, хорошо?

– Да, спи! Утром напишешь, – кивнул Игорь.

Ваня ушел. Но буквально через минуту вернулся.

– Вот, товарищ милиционер, возьмите, выпейте на ночь, для крепкого сна! – протянул он Игорю полный стакан белого вина. Кисловатый запах ударил в ноздри.

Игорь, едва сдерживая желание поморщиться, осторожно взял стакан, налитый под венчик. Пригубил.

Кивнул Ване. Но тот довольно кивнул в ответ и не сдвинулся с места.

– Это с винзавода? – спросил Игорь.

– Ага, – сказал Ваня. – Домашнее ж еще не готово... Вы до дна выпейте, а то вкуса не разберете!

Чтобы не вступать с Ваней Самохиным в спор относительно того, как правильно дегустировать вино, Игорь в три глотка опустошил стакан и вернул его хозяйину. Только после этого Ваня ушел из комнаты.

Игорь стянул с ног сапоги, расстегнул ремень, разделся. Сложил форму аккуратно на стуле, а сам быстро под одеяло забрался. И тут его словно в какую-то необычную невесомость всосало. Он только успел вздрогнуть, явственно теряя ощущения низа и верха перед тем, как упасть в бездну.

Глава 9

Проснулся с больной головой. Голова не просто болела, а гудела, словно в нее залетели несколько пчел и теперь безуспешно пытались найти выход, тыкаясь изнутри то в виски, то в затылок, то в надбровные дуги.

Открыл глаза, провел ладонью по мокрому от пота лбу. Не без усилия приподнялся и уселся на кровати.

За окном серело, из соседней комнаты доносилось монотонное бурчание телевизионных голосов.

– Мам! – крикнул Игорь, и тут же его собственный голос добавил в голову неприятного, болезненного гудения.

Елена Андреевна заглянула в спальню к сыну.

– Что, сынок?

– Аспирин есть? Голова раскалывается...

– Выпил вчера, или это старые боли? – снисходительно, хоть и с сочувствием спросила мать.

– Выпил, – Игорь кивнул.

Она отправилась на кухню, где в шкафчике, в коробке из-под обуви, были свалены лекарства.

Игорь поднялся. Подошел к окну. Оглянулся. Взгляд его упал на аккуратно сложенную милицескую форму, поверх которой лежала старая фуражка.

– Ну и сон! Бред какой-то! Или на самом деле? – сам себя спросил Игорь, припоминая то ли пережитое, то ли увиденное прошлой ночью.

Вдохнул, достал из ящика тумбы спортивный костюм. Оделся. Позвонил Коляну.

– А, привет! – услышав голос Игоря, оживился вчерашний именинник. – Как ты там?

– Слушай, – Игорь заговорил медленнее, продумывая каждое слово, чтобы не сморозить какую-нибудь глупость. – Я... вчера... у тебя ведь был?

– Ну, ты даешь! – Колян рассмеялся. – Крепко же ты набрался, раз ничего не помнишь! Был ты у меня! Еще как был! Пришел в какой-то старой военной форме, пистолет вытащил, в потолок стрелял! Это у тебя с резиновыми пулями? Еле тебя потом отмазали от охранников – те хотели тебя на улицу выбросить, а там такая ливня лилась!

– Ага... А что мы там пили... у тебя?

– Все пили. Ты лично больше по коньяку ударял. Бутылки полторы, а то и две приговорил, прежде чем мы тебя на частного посадили, чтобы домой тебя отвез! Двести гривен ему дали, ты же уже никакой был! Так что вернешь при случае!

– Ага, – замедленно повторил Игорь и сам не услышал своего голоса из-за продолжавшегося в голове гудения. – А что там еще было...

– В «Петровиче»? Ха! Да ты, вроде, ничего не помнишь!

– Не помню, – признался Игорь. – И голова раскалывается...

– Ну что там было? Пили, смеялись, танцевали под старую музыку...

Игорь вдруг ощутил на языке резкий кислый вкус дешевого сухого вина.

– А вина я не пил?

– Вина? Вина ты в самом начале попробовал, было дело! Взял, обозвал французское «Шабли» дешевым кисляком и тут же запил его пятизвездочным «Араратом».

– Хорошо, я позже еще позвоню, – выдохнул Игорь устало.

– Лечись, братан! – услышал он на прощание бодрый голос Коляна.

Бросив мобильник поверх милицеской формы, Игорь полез под матрас и вытащил оттуда старый пистолет. Посмотрел на него озадаченно, понюхал дуло – запах смазочного

масла был не резким, терпковатым. Запаха дыма или пороха не было. Пожал плечами. Спрятал пистолет обратно под матрас.

К полудню голова успокоилась и мысли собрались наконец в некое подобие порядка. Словно сам себе подробно пересказал Игорь вчерашний то-ли-сон-то-ли-бред. Сам себе пересказал и сам же внимательно выслушал, пытаясь обнаружить в этой истории малейшие доказательства правды или правдоподобия и, для успокоения взволнованной души, очевидность того, что всё это было плодом его пьяного, а оттого и буйного воображения. Но как он ни вслушивался, как он ни всматривался в визуальную память, а всё выглядело удивительно реально и почти правдоподобно. И часы, которые вдруг затикали и показали «московскую полночь». И Ваня Самохин, и Очаковский винзавод, и граненый стакан белого сухого, наполненный до краев. И – главное – упоминание Ваней Фимы Чагина как возможного повода для появления в Очакове командированного из столицы милиционера. Единственное, что можно было положить на другую чашу весов, которыми Игорь пытался взвесить свой здравый смысл, так это пару рюмок коньяка, выпитых вчерашним вечером еще перед телефонным звонком Коляна. И вот ведь еще что! Вся эта гульба в клубе «Петрович» на Подоле! Игорь ничего о праздновании дня рождения не помнил. Более того, он даже не мог припомнить, где находится этот клуб, где его афиша с анонсом ретропарти висела? Да и пистолет? Не мог он из него в клубе в потолок стрелять! Ведь никуда он не брал его с собой! Под матрасом пистолет всю ночь пролежал! Да и если б брал и стрелял, тогда бы из дула пахло дымом и порохом!

Игорь вдруг полез в карман милицейских галифе и достал оттуда золотые часы. Поднес к уху – тишина. Открыл. Стрелки застыли на половине второго.

– Да, – выдохнул он потерянно.

Устав от безответности поставленных самому себе вопросов, Игорь выпил кофе и заглянул за дом. Сарай был по-прежнему закрыт. На дверях висел навесной замок. Значит, Степана не было.

С хмурого неба капал дождь. Капал по-крупному. Игорь бросил взгляд вверх и тут же заспешил домой – черная туча, висевшая над Ирпенем, вот-вот собиралась разродиться очередным ливнем.

Как только он забежал внутрь, по шиферной крыше застучала барабанная дробь непогоды.

– Во как! – развела руками Елена Андреевна, вглядываясь в мгновенно потемневшее окно. – Гроза, наверное, будет!

– Степана утром не было?

– А что тебе Степан? – Елена Андреевна пожала плечами. – Он – человек свободный...

– Свободный? – переспросил с сомнением в голосе Игорь. – От чего он свободный? Прижился тут, замок на наш сарай повесил, словно это его жилье! А ты – «свободный»!

– Знаешь, сынок, – усмехнулась Елена Андреевна. – Свобода – она тоже разная бывает. Да ведь и ты, когда говоришь «свободный», что-то совсем другое подразумеваешь! Наверное, в смысле «ненужный»... Как там в ваших молодежных сериалах друг другу говорят: «Ты свободен, проваливай!»

– А ты что, – удивился Игорь, – уже и молодежные сериалы смотришь?

– А что мне на старости лет делать? Да и понимаю я тебя теперь лучше, после семи серий этого, как его... фильма. Ах, да... «Крыша едет!» Так, кажется, называется...

– Ну, ты даешь! – Игорь посмотрел на мать с изумлением. – Это же сериал для тинейджеров! А при чем здесь я? Или я для тебя тоже «тинейджер»? Так и у меня скоро крыша поедет, если ты всякую, – он развел руками, не находя сразу подходящего слова, – всякую эту... чушь смотреть будешь!

– А чего твоей крыше ехать? – спокойно возразила Елена Андреевна. – Тебе работу надо искать, тогда всё будет в порядке, и почувствуешь себя нужным обществу, а не каким-то там «свободным»! А потом можно и жениться...

Упоминание о необходимости поиска работы резко снизило интерес Игоря к продолжению этого и вправду забавного и неожиданного разговора с мамой.

– Ладно, – кивнул он. – Вот возьму и пойду сейчас искать работу!

– Под дождем? – удивилась Елена Андреевна.

– А почему бы и нет? – улыбнулся Игорь. – Как раз больше шансов найти! Кто еще, кроме меня, будет искать работу под дождем?

Заметив ехидную улыбочку на лице сына, Елена Андреевна поняла, что он просто ее дурачит, и вышла в гостиную, где тут же включила телевизор.

Игорь остался на кухне. Выпил чашку растворимого кофе и снова задумался о загадочном Фиме Чагине.

Глава 10

Ливень, начавшийся пополудни, растянулся на несколько часов и, внезапно прекратившись, поставил жителей Ирпеня перед простым и незыблемым фактом: наступил вечер. Осенний вечер глубоким не бывает, за ним быстро, почти незаметно приходит ночь. И эта грядущая ночь, укрытая беззвездным, свинцовым небом, обещала быть глухой и непроницаемой.

Игорь, отложив книжку, за которой просидел три часа кряду, глянул в окно, а потом на часы. Хотелось ему, было, сходить во двор и глянуть на дверь сарая, чтобы проверить: на месте ли еще повешенный Степаном замок, или вернулся уже садовник из своих непонятных странствий. Но не настолько теперь было сильным его любопытство, чтобы заставить себя собраться и выйти из теплого уютного дома. А тут снова вспомнился Очаков 1957 года – ночной, темный, настороженный. И снова задумался Игорь, снова вопросом задался: так сон ли это был пьяный, или какая-то особая, потусторонняя явь? Вспомнил прошлый вечер, предшествовавший странному опыту. Вспомнил, как коньяк пил перед тем, как Колян позвонил. А что, подумал, если еще раз то же самое сделать? Что, если выпить пару стопочек коньяка, а потом, попозже, снова надеть милицескую форму и так же в сторону автостанции прогуляться? Людей в такую погоду и в такое время на улице не будет, да и кто на него внимание обратит?!

Сходил Игорь на кухню. Налил себе коньяка. Выпил не спеша, а потом сразу – вторую рюмку. Мимоходом заметил, что в поднятой чаше материных весов стоит пузырек с сердечными каплями. С третьей рюмкой коньяка вернулся в спальню. Отпил, отставил. Проверил – на месте ли две пачки советских рублей. Пачки лежали в карманах галифе. Отпил еще глоток. Во рту потеплело, и тепло это куда-то выше пошло, в нос, в лоб. Легкая испарина на лбу выступила. Снова потянулся Игорь к рюмке, а она уже пустая. Сходил на кухню, наполнил.

Минут через тридцать разыграла в мыслях Игоря этакая азартная отвага. Усмехнулся он сам себе, смелее к милицеской форме подошел. Надел ее, натянул сапоги, подпоясался ремнем, в этот раз и кобуру с пистолетом не забыл. Фуражку на голову водрузил и круглое настольное зеркало в руки взял. Глянул на себя, и еще веселее ему стало. «Бравый хлопец!» – подумал.

Как только закрылась за ним калитка родного двора, как только повернул он в сторону автостанции, так сразу еще темнее стало вокруг. Словно темнота живая была и попыталась Игоря в себя с головой укутать. Но под подошвами кожаных сапог привычно стучал асфальт, и ноги сами шли прямо, будто бы не нуждаясь в зрячем поводе.

Страх подкрадывался к Игорю несколько раз. То сзади, то сбоку, из-за чего он останавливался и оглядывался по сторонам, больше доверяя своему слуху, чем глазам. Но вокруг было тихо.

Через некоторое время впереди показался и стал ориентиром едва заметный огонек. А еще минут через двадцать узнал Игорь освещенные ворота Очаковского винзавода. Остановился уже под деревьями, метрах в двадцати от них. Задумался. «Что ж это получается? Неужели всё повторится? Как в том американском фильме, где один и тот же день повторялся бесконечно, сводя героя с ума?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.